

Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН

Узловые точки социальной политики

Москва, 2021

Оглавление

Введение.....	2
1. Ретроспективный анализ изменения уровня и качества жизни населения.....	4
2. Целевые ориентиры социальной политики и «общественный договор»	12
3. Развитие человеческого потенциала и экономический рост	18
4. Социальные расходы бюджетной системы	33
5. Эффективность труда и уровень заработной платы.....	44
6. Гарантированные выплаты населению как инструмент социальной политики	62
7. Межрегиональная дифференциация показателей социального развития	78
8. Миграция населения и рабочей силы	94
9. Перспективный вклад спроса населения в экономическую динамику.....	106

Введение

Развитие российской экономики в период после 2013 г. характеризовалось достаточно низкой экономической динамикой и снижением уровня реальных доходов населения. Это привело к сдерживанию внутреннего спроса и нарастанию ограничений развития экономики в среднесрочной перспективе.

В связи с тем, что в современной структуре российской экономики потребительский спрос играет ключевое значение, необходимость исправления ситуации в социальной сфере признает и Правительство, и экспертное сообщество. Заинтересован в росте платежеспособного спроса населения и российский бизнес. В этих условиях важно понять, какие факторы сдерживают улучшение уровня доходов и качества жизни населения и какие действия будут наиболее эффективными для решения задач в социальной сфере.

Многие из проблем, с которыми столкнулась российская экономика в социальной сфере, носят длительный характер и требуют серьезных усилий по изменению тенденций в формировании и перераспределении доходов. В условиях посткризисного восстановления российской экономики такие действия позволят не только обеспечить более высокие и устойчивые темпы экономического роста, но и обеспечить новое качество жизни в стране, базирующееся на учете интересов населения, бизнеса и государства.

Данная работа является расширенной и дополненной версией социального раздела доклада «Посткризисное восстановление экономики и основные направления прогноза социально-экономического развития России на период до 2035 г.»¹, подготовленного в 2020 г. в ИНП РАН.

¹ Посткризисное восстановление экономики и основные направления прогноза социально-экономического развития России на период до 2035 г. : научный доклад / под ред. члена-корреспондента РАН А.А. Широка. – М.: Наука – 2020. – 152 с.

1. Ретроспективный анализ изменения уровня и качества жизни населения

Распад Советского Союза сопровождался глубоким экономическим спадом, тяжелейшим образом отразившимся на уровне и качестве жизни населения. Однако, если посмотреть на статистику, то можно обнаружить, что в период кризиса 1990-х гг. потребление населения сократилось намного меньше, чем ВВП и инвестиции в основной капитал (рис. 1.1). Максимальное снижение физического объема потребления домашних хозяйств (ПДХ) по отношению к уровню 1990 г. - на 21% - отмечалось 1999 г., в то время как ВВП сократился за период кризиса 90-х годов почти в два раза. Это объясняется перераспределением расходов от инвестиций, которые снижались еще быстрее, чем ВВП, в пользу потребления, что в течение нескольких лет позволяло поддерживать потребительский спрос на минимально приемлемом уровне.

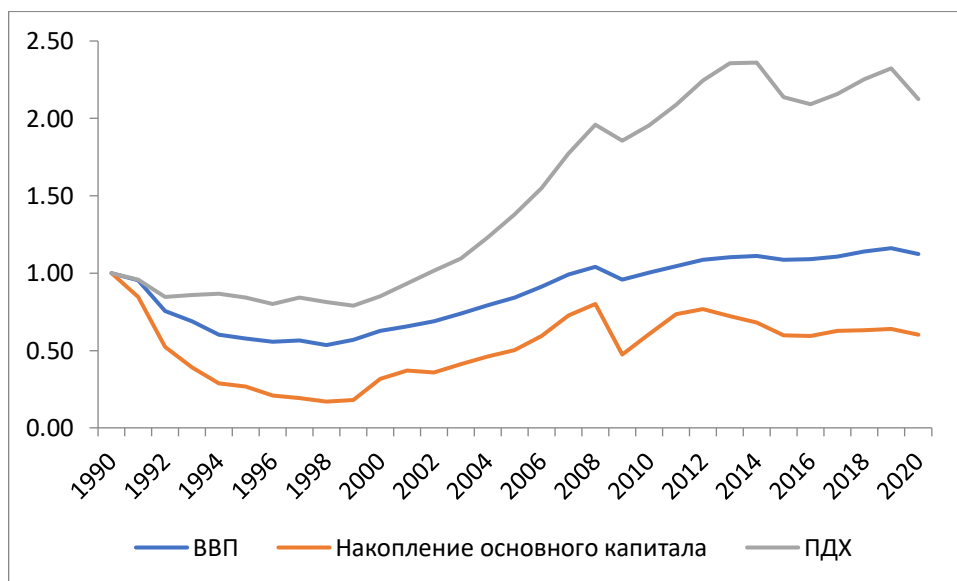

Рисунок 1.1. Физический объем ВВП, ПДХ и валового накопления основного капитала, 1990 = 1

Источник: Росстат, расчеты ИНП РАН

Наиболее значимым, с социальной точки зрения, следствием трансформационного перехода стало значительное расслоение населения по уровню доходов. Согласно данным Росстата, индекс Джини, равный 0,29 в

1992 г. (приблизительно соответствует текущему уровню Финляндии), уже в следующем году увеличился до 0,41 (текущий уровень США). По оценкам Всемирного банка, в 1993 г. индекс Джини и вовсе достиг 0,48.

Рост социального расслоения можно увидеть, если посмотреть на динамику реальных доходов двадцатипроцентных групп российских домашних хозяйств (рис. 1.2): чем ниже доход группы, тем в большей степени в первой половине 1990-х гг. снижались ее доходы. При этом фактическая ситуация была еще хуже по двум причинам: во-первых, официальная статистика не в состоянии абсолютно точно оценить уровень дифференциации доходов и, как правило, систематически его занижает², во-вторых, внутри наименее и наиболее обеспеченных групп также существовала серьезная дифференциация.

Период 2000-2014 гг. характеризуется быстрым ростом физического объема ПДХ (по отношению к предыдущему году этот показатель снизился только в кризисном 2009 г.). В результате уже в 2001 г. был достигнут уровень 1990 г., а по итогам 2014 г. он был превышен почти в 2,5 раза. Значительная дифференциация доходов продолжала сохраняться: в наибольшей степени в этот период выиграла наиболее обеспеченная двадцатипроцентная группа домашних хозяйств, а наименее обеспеченная даже на пике, в 2014 г., так и не достигла уровня 1990 г.

Начавшийся в 2015 г. период характеризуется спадом и последовавшей за ним стагнацией как физического объема ПДХ в целом, так и реальных денежных доходов всех двадцатипроцентных групп домашних хозяйств. Однако и здесь важна дифференциация: если смотреть не на двадцати-, а на десятипроцентные (децильные) группы, то у наиболее обеспеченной децильной группы реальные доходы росли и в течение этого периода.

² Иванов В.Н., Суворов А.В., Сухорукова Г.М., Болдов О.Н. Сдвиги в объеме и структуре потребительских расходов населения России в 1990-х - 2000-х годах // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2008. Т. 6. С. 528-542.

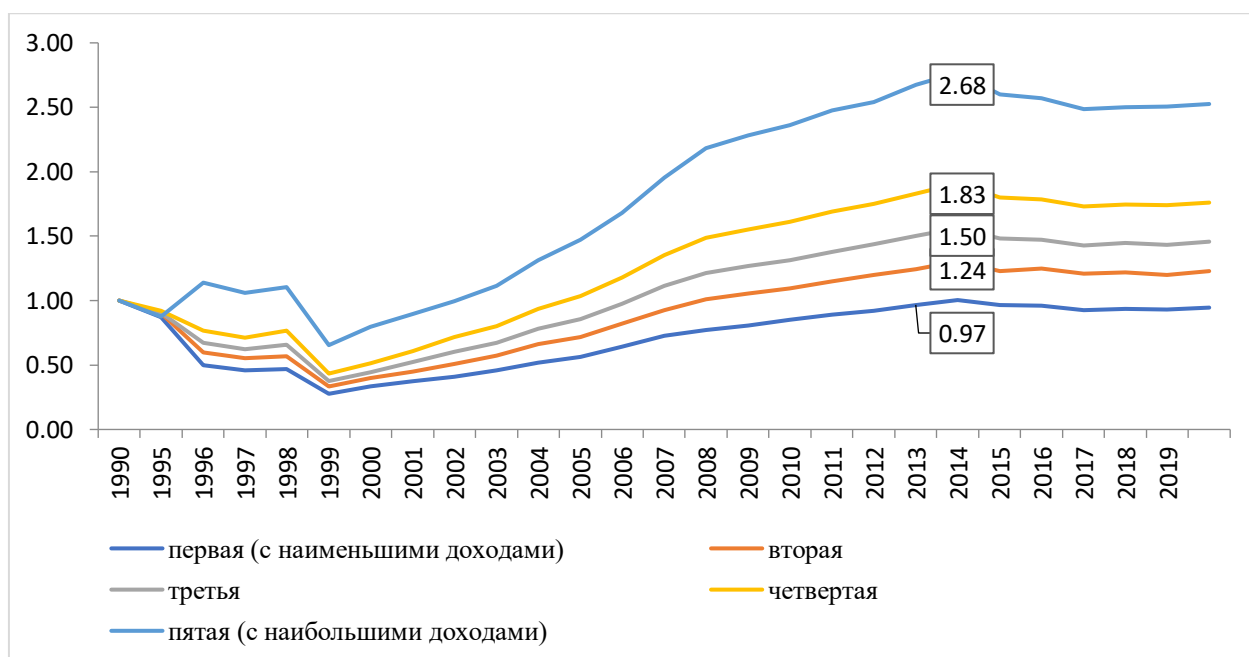

Рис. 1.2. Реальные доходы двадцатипроцентных доходных групп домашних хозяйств в России, 1990 = 1

Источник: Росстат, расчеты ИНП РАН

За последние три десятилетия произошли существенные изменения в основных факторах формирования спроса домохозяйств, связанные с изменением ценовых пропорций, расширением потребительского разнообразия и, после окончания трансформационного спада, ростом покупательской способности населения. В течение 2000-х гг. разрыв в величине ВВП на душу населения по паритету покупательной способности (ППС) между Россией и США сократился с 83 до 50%. Это существенное достижение, и оно в значительной степени изменило облик страны. В то же время эти положительные тенденции в недостаточной степени повлияли на многие наиболее важные качественные характеристики жизни значительной части населения России. Это хорошо видно при более детальном анализе структуры потребления российских домашних хозяйств в период экономического роста.

Потребительское поведение российских домашних хозяйств имеет важные особенности. Самая существенная из них заключается в том, что, несмотря на значительный рост ВВП и ПДХ на душу населения, не наблюдались ожидаемые с теоретической точки зрения и подтверждаемые

межстрановыми сопоставлениями позитивные изменения в структуре потребления. Так, доля расходов на продовольствие в структуре ПДХ в течение многих лет остается крайне высокой и практически не меняется – 24-30% ПДХ в зависимости от того, в соответствии с какой методикой (СНС93 и ли СНС98) построены национальные счета (рис. 1.3). И это при том, что в 2004-2014 гг. физический объем ПДХ на душу населения увеличился в 1.94 раза³.

Такая доля расходов населения на продовольствие очень высока не только на фоне наиболее экономически развитых стран мира, в которых эта статья расходов может занимать менее 10% ПДХ (США, Великобритания, Австралия, Канада и другие). В сопоставимых с Россией по величине ППС на душу населения странах эта доля тоже заметно ниже: например, в Турции, Литве и Эстонии расходы на продовольствие лишь немногим превышают 20% ПДХ, а в большинстве других стран Восточной Европы находятся в диапазоне 15-20% ПДХ.

³ Здесь и далее 2004 г. рассматривается в качестве базы сравнения вследствие того, что только начиная с этого года российские национальные счета стали публиковать данные о ПДХ в разрезе Классификатора индивидуального потребления по целям (КИПЦ), позволяющего проводить корректные сопоставления в разрезе отдельных групп товаров и услуг

Рис. 1.3. Динамика расходов российских домашних хозяйств на продовольствие

Источник: расчеты ИНП РАН по данным Росстата

Помимо стабильной доли расходов на продовольствие, можно выделить еще несколько особенностей структуры потребления российских домашних хозяйств (таблица 1.1):

- Снижение доли затрат на «Одежду и обувь» и рост - на «Другие товары и услуги» - это согласуется с ожидаемой реакцией потребительского спроса на рост реальных доходов;
- Фиктивный рост доли затрат на «Жилищные услуги, воду, электроэнергию, газ и другие виды топлива» - он связан с учетом с СНС08 вмененной ренты, не учитываемой в СНС93;
- Стабильность долей расходов на ряд групп товаров и услуг: «Предметы домашнего обихода, бытовую технику и повседневный уход за домом», «Транспорт», «Связь», «Организацию отдыха и культурные мероприятия», «Образование», «Гостиницы, кафе и рестораны».

Последний из перечисленных пунктов в сочетании уже упомянутой стабильной долей расходов на продовольствие позволяет говорить о стабильности общей структуры расходов российских домашних хозяйств как о ее основной особенности. В значительной степени это объясняется тем, что рост цен был, как правило, ниже для тех групп товаров и услуг, физический объем потребления которых вырос в наибольшей степени, и наоборот (здесь для оценки роста цен используется индекс-дефлятор ПДХ для отдельных групп товаров и услуг).

Таблица 1.1. Характеристики расходов на ПДХ в России в разрезе разделов
КИПЦ в 2004-2018 гг.

Структура ПДХ, %		Физический объем ПДХ на душу населения в 2018 г.,	Индекс-дефлятор ПДХ в 2018 г., 2004 = 1
2004 (СНС93)	2018 (СНС08)		

2004 = 1				
ПДХ – всего	100	100	1.81	2.98
Продукты питания и безалкогольные напитки	30.4	24.1	1.54	3.14
Алкобольные напитки, табачные изделия	8.4	6.9	1.28	4.31
Одежда и обувь	10.3	5.9	1.26	3.58
Жилищные услуги, вода, электроэнергия, газ и другие виды топлива	8.5	16.4	1.37	4.11
Предметы домашнего обихода, бытовая техника и повседневный уход за домом	5.3	5.9	2.09	2.24
Здравоохранение	2.8	4.5	2.77	3.89
Транспорт	11.6	11.2	2.14	2.49
Связь	4.8	3.5	3.31	1.37
Организация отдыха и культурные мероприятия	5.0	6.3	2.95	2.45
Образование	1.1	0.7	1.18	4.41
Гостиницы, кафе и рестораны	3.3	2.8	1.79	2.99
Другие товары и услуги	5.1	9.0	2.85	3.02
Покупка товаров и услуг резидентами за рубежом за вычетом покупок нерезидентами на территории России	3.6	2.8	2.66	1.71

Примечание. При расчетах физических объемов ПДХ на душу населения и индексов-дефляторов ПДХ за 2004-2018 гг. использовались данные о ПДХ в методологии СНС93 (для периода 2004-2011 гг.) и в методологии СНС08 (для периода 2012-2018 гг.)

Источник: расчеты ИНП РАН по данным Росстата

Если, например, услуги «Связи» в 2004-2018 гг. подорожали в 1.37 раза, а их среднедушевое реальное потребление увеличилось в 3.31 раза (наибольший рост потребления среди представленных в таблице 1.1 разделов КИПЦ), то для «Алкобольных напитков и табачных изделий» соответствующие значения оказались равны 4.31 и 1.28 раза (наименьший, наряду с «Образованием», рост потребления). Таким образом, именно динамика относительных цен стала ключевым фактором, определившим стабильность и даже «архаичность» структуры ПДХ, прежде всего характеризуемой сохранением высокой доли расходов на продовольствие (физический объем ПДХ на душу населения для «Продуктов питания и

безалкогольных напитков» увеличился в 1.54 раза, а индекс-дефлятор для этого раздела КИПЦ — в 3.14 раза).

Кроме динамики относительных цен, на консервацию структуры потребления влияла стагнация экономики в период после кризиса 2008-2009 гг. и высокая дифференциация населения по уровню доходов. Влияние фактора распределения доходов, а, следовательно, и расходов, на структуру ПДХ обусловлено тем, что уровень и структура расходов существенно различаются между домашними хозяйствами, имеющими разный уровень дохода (таблица 1.2). Расходы наиболее обеспеченных домашних хозяйств в абсолютном выражении, как правило, превышают расходы менее обеспеченных по всем агрегированным группам товаров и услуг, а разрыв в объеме расходов между доходными группами зависит от рассматриваемого товара или услуги.

Следствием возможного снижения дифференциации доходов (даже при сохранении неизменным их реального уровня) может стать, во-первых, рост доли направляемых на потребление, а не сбережение, денежных доходов, во-вторых, изменение структуры потребления домашних хозяйств (в первую очередь относящихся к наименее обеспеченным доходным группам), и, следовательно, снижение доли импорта в потреблении — в силу особенностей их структуры расходов. Таким образом, снижение дифференциации доходов может рассматриваться как источник дополнительного потребительского спроса, а значит, и дополнительный драйвер экономического роста.

Таблица 1.2. Структура потребительских расходов по децильным доходным группам российских домашних хозяйств в 2019 г., %

	Первая	...	Пятая	...	Девятая	Десятая
Потребительские расходы – всего	100	...	100	...	100	100
Продукты питания и безалкогольные напитки	47.3		38.2		28.0	16.2
Алкобольные напитки, табачные изделия	3.0		3.1		3.5	2.5
Одежда и обувь	7.8		8.2		8.4	7.9

Жилищные услуги, вода, электроэнергия, газ и другие виды топлива	15.0	13.0	10.5	7.5
Предметы домашнего обихода, бытовая техника и повседневный уход за домом	3.2	5.1	6.4	5.0
Здравоохранение	2.6	3.8	4.3	3.8
Транспорт	5.9	10.0	12.1	29.7
Связь	4.8	3.7	3.2	1.9
Организация отдыха и культурные мероприятия	3.0	4.9	10.0	12.4
Образование	0.4	1.0	0.9	0.6
Гостиницы, кафе и рестораны	1.0	2.0	5.0	4.7
Другие товары и услуги	5.8	6.9	7.8	7.6

Источник: Росстат (по данным Обследований бюджетов домашних хозяйств)

2. Целевые ориентиры социальной политики и «общественный договор»

В сложившейся социально-экономической ситуации вектор социальной политики может быть только один – это повышение доходов населения, устранение неравенства и бедности. Достижение этих целей невозможно без изменения сложившихся пропорций распределения создаваемого в экономике дохода в пользу домохозяйств, что в свою очередь затрагивает интересы всех экономических агентов.

Без четкого понимания бизнесом и государством собственных выгод от проведения активной социальной политики, вряд ли можно рассчитывать на успешную перестройку российской экономики в целях решения накопившихся социальных проблем.

Разработка концепции нового социального договора в этой связи является неотъемлемой частью как экономической политики в целом, так и в особенности социальной политики, так как позволяет согласовать интересы населения, государства и бизнеса на пути к достижению целей развития российского общества.

В последние 30 лет в стране построена рыночная экономика, полностью изменилась система хозяйствования, распределения доходов, формирования цен и структура производства. Однако за это было заплачено дорогой ценой. Экономические реформы 1980-1990-ых годов привели к снижению уровня жизни значительной части населения. Произошедшее перераспределение собственности привело к существенному расслоению общества и формированию экономики, устойчиво воспроизводящей чрезмерно высокий уровень дифференциации по доходам. Отчасти эта ситуация была компенсирована в результате восстановительного роста 2000-х годов, однако торможение роста доходов в период после кризиса 2008-2009 гг. вновь сделали низкий уровень жизни населения ключевым ограничением для развития

российской экономики. Сложившееся распределение создаваемого обществом дохода должно быть признано несправедливым и не эффективным с точки зрения целей развития экономики.

Конструктивный сценарий развития экономики и общества может быть построен только на фундаменте объективных оценок существующего положения и причин, которые привели к его формированию. Без осознания проблем в механизмах формирования и распределения доходов невозможно рассчитывать на построение прочного общественного договора между бизнесом государством и населением. Ограничения развития, которые возникают из-за низкого уровня доходов значительной части населения, не могут не беспокоить не только государство, но и бизнес. Высокий уровень доходов формирует спрос и снижает необходимость дополнительных и не всегда эффективных вложений в социальную поддержку населения. Необходимо найти баланс интересов на основе взаимного доверия, который может противостоять как естественным ограничениям роста экономики, связанными с демографическими или технологическими факторами, так и обеспечивать устойчивое развитие в условиях усиления внешнего давления.

Таким образом, ключевой предпосылкой для создания нового взаимовыгодного и устойчивого баланса интересов является концентрация экономической политики на задаче устранения наиболее вопиющих разрывов в уровне жизни, разделяющих российское общество⁴. По справедливому замечанию академика В.В. Ивантера в 2000-е годы мы почти победили нищету, но не бедность. По-видимому, полная победа над бедностью в современном обществе невозможна, но существенное ее сокращение носит необходимый характер.

⁴ Аникин В.А., Лежнина Ю.П., Мареева С.В., Слободенюк Е.Д. Запросы россиян на содействие государства: социальное инвестирование или социальная поддержка?// Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. No 3. С. 345—366 <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.3.19>.

Основными приоритетами населения нашей страны является справедливое общество, повышение уровня жизни, сохранение политической и социальной стабильности с опорой на традиционные ценности. В свою очередь государство, прежде всего, заинтересовано в сохранении своей целостности и устойчивости, что невозможно без постоянной поддержки со стороны населения и бизнеса.

Интерес бизнеса заключается прежде всего в расширении рынков сбыта и перспективах роста, наличии ясных и понятных правил игры, минимизации влияния государственной бюрократии на экономическую деятельность.

Интересы участников «общественного договора» совпадают, по сути, в отношении необходимости обеспечения социальной и политической стабильности. Однако одной этой связывающей силы может оказаться недостаточно для обеспечения устойчивости общества перед усиливающимся внешним давлением и в условиях продолжающейся стагнации уровня жизни. Людям необходимо вернуть уверенность в перспективах позитивного развития общества, поступательном улучшении материального благополучия, доступности всех общественных благ, гарантированных Конституцией Российской Федерации.

Вторым объединяющим общество фактором должно стать обеспечение справедливости в процессе распределения формируемых в обществе доходов. Речь не идет о том, чтобы исключительно отбирать собственность и доходы у одних и передавать их другим. Необходимо обеспечить возможность работать и получать достойное вознаграждение за труд всем слоям населения. Для этого нужно выстраивать механизмы взаимодействия крупного, среднего и малого бизнеса на основе развития системы производственных связей и кооперации. Необходимо восстановить общественное уважение к добросовестному многолетнему труду работающих в реальном секторе, сельском хозяйстве, в науке, системе образования и здравоохранения.

При этом государство могло бы на начальном этапе взять на себя большую нагрузку по обеспечению роста доступности и качества бесплатных для населения услуг здравоохранения, образования (включая дошкольное), развития массового спорта, увеличению финансирования науки.

Акцент на использование политики налогообложения для перераспределения доходов должен быть четко обозначен. Должны быть определены периоды повышения ставок НДФЛ и пороговые уровни доходов. В свою очередь повышение налогов для наиболее богатых граждан должно частично компенсироваться расширенной системой налоговых вычетов, стимулирующих расходы на недвижимость, товары длительного пользования, высокотехнологичные виды услуг и т.д.

Усиление инвестиционной активности могло бы опираться на поддержку публичных компаний с государственным участием. По нашим оценкам объем инвестиций, на которые государство может оказывать непосредственное влияние составляет не менее 40% от совокупных инвестиций.

Во взаимоотношениях с бизнесом государство могло бы обозначить перспективы роста рынков сбыта за счет освоения внутреннего рынка в обмен на инвестиции в проекты, связанные в том числе с импортозамещением. Нужно сформировать разумный баланс в деятельности финансовых организаций между развитием цифровых потребительских сервисов и деятельностью, связанной с инвестициями в реальный сектор и созданием новых рабочих мест и новых доходов населения.

Изменение относительных цен на потребительские товары, особенно на продовольствие, в последние годы было тем фактором, который способствовал консервации достаточно примитивной структуры потребления населения. В целом это сдерживало повышение качества жизни населения, снижало эффективность социальных расходов государства, ограничивало спрос на продукцию российских компаний. В интересах общества

сформировать **новую концепцию ценообразования** на тех рынках, где цены существенно зависят от мировой конъюнктуры. Прежде всего речь идет о рынках продовольствия, нефтепродуктов, химической продукции, металлов. По-видимому, такая деятельность потребует скоординированных действий в части налоговой политики, модернизации бюджетного правила, антимонопольных мер и действий по развитию конкуренции, а также усилий со стороны государства по донесению общественных целей развития до представителей бизнеса.

Ресурсные богатства России должны стать важнейшим конкурентным преимуществом, позволяющим объединить территории, выстроить цепочки кооперационных связей, сформировать дополнительные доходы для бизнеса и общества, а не оставаться фактором накопления дисбалансов.

Участники общественного договора кроме всего прочего должны быть объединены общим пониманием того, ради чего существует российское общество, к каким целевым ориентирам стремится, почему выбранные цели и способы их достижения «лучше» (справедливее, правильнее) альтернативных вариантов, зачастую насаждаемых извне.

Задача государства состоит в формировании новых смысловых и ценностных установок, способных обеспечить духовный подъем общества, вовлечь широкие слои населения в «Общее Дело» строительства российского общества.

В свою очередь признание устойчивости и дееспособности государства важнейшей ценностью является необходимой предпосылкой обеспечения национального суверенитета.

Ситуация, складывающаяся в российской экономике, делает ориентиры по уровню и качеству жизни населения ключевыми целевыми установками не только для граждан страны, но и для бизнеса. В условиях стагнации внешнего

спроса именно внутренний спрос, с высокой вероятностью, будет определять параметры российской экономики в ближайшие 10 лет.

Достижимыми, с точки зрения имеющихся факторов роста, являются следующие показатели, характеризующие уровень и качество жизни населения:

- 1) снижение к 2030 г. смертности до показателей характерных для стран Восточной Европы;
- 2) рост ожидаемой продолжительности жизни к 2030 г. до 78 лет (+5 лет);
- 3) достижение коэффициента замещения пенсиями заработной платы на уровне не ниже 35-38%;
- 4) рост реальных располагаемых доходов за период 2021-2030 гг. в 1,5 раза;
- 5) приближение в период до 2030 г. структуры расходов населения к стандартам развитых стран;
- 6) площадь комфортного⁵ жилья на человека с 16 м.кв. в 2020 г. до 20 м.кв. в 2030 г.

⁵ Под комфортным понимается такое жилье, которое обладает системами водоснабжения, водоотведения, не имеет существенных ограничений по использованию электроэнергии.

3. Развитие человеческого потенциала и экономический рост

Качество жизни в стране, ее благосостояние, конкурентоспособность и перспективы в конечном счете определяются уровнем развития человеческого потенциала ее жителей и возможностями этот потенциал реализовать. Способность адекватно отвечать на различные стоящие перед страной вызовы, в том числе демографические, также зависит от уровня развития человеческого потенциала.

Несмотря на многочисленные попытки исследователей “оцифровать” понятие человеческого потенциала, оно до сих пор остается достаточно размытым, с трудом поддающимся количественному, а не качественному описанию. Более того, вполне возможно, что не существует единственной метрики, способной оценить этот уровень, и даже для приблизительного его определения необходим анализ сразу нескольких различных показателей.

Внимания заслуживает используемый уже несколько десятилетий “Индекс человеческого развития” (ИЧР), или “Индекс развития человеческого потенциала”. При помощи этого индекса страны ранжируются исходя из значений нескольких показателей: ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) при рождении, ожидаемой и средней продолжительности периода обучения, а также величины валового национального дохода (ВНД) на душу населения по паритету покупательной способности (ППС). ОПЖ при рождении характеризует состояние системы здравоохранения и образ жизни населения, продолжительность обучения – состояния образовательной системы и мотивированность населения к получению знаний и саморазвитию, а ВНД на душу населения по ППС – уровень экономического развития страны по сравнению с другими странами.

В 2019 г. мировыми лидерами по ИЧР являлись Норвегия, Ирландия и Швейцария. Среди крупнейших стран самое высокое место – шестое – заняла Германия. Россия находилась на 52-м месте, по соседству с Черногорией,

Румынией, Казахстаном, Белоруссией, Турцией и Уругваем⁶. К точности такого ранжирования можно предъявлять вполне справедливые претензии, однако оно может уловить заметные разрывы в уровне и качестве жизни между странами, а кроме того, что важнее, еще и задает конструкцию, в рамках которой возможен более детализированный анализ проблемы.

В этом разделе уровень развития человеческого потенциала России анализируется по нескольким направлениям, которые отчасти пересекаются с компонентами ИЧР:

- *Демографическому* – детально рассматривается динамика ОПЖ при рождении и определявшие ее факторы; исследуется вопрос демографической нагрузки на экономику страны;
- *Мотивационному* – через показатели вовлеченности населения в экономическую жизнь;
- *Квалификационному* – через рассмотрение структуры занятости в разрезе групп занятий (предполагается, что то, чем непосредственно занимается работник, определяет реализацию его потенциала в большей степени, чем его уровень образования, хотя, разумеется, два этих вопроса взаимосвязаны).

ОПЖ при рождении. Несмотря на распространенное мнение о том, что демографическая ситуация в России является чуть ли не ключевым ограничением роста, наша позиция состоит в том, что это не совсем так. Естественно, нельзя отрицать наличия ряда негативных факторов, к которым можно отнести относительно низкий уровень рождаемости, все еще высокий уровень смертности, существование долгосрочных демографических волн (до сих пор заметное “эхо” войны и других событий прошлого), из-за которых в средне- и долгосрочной перспективе неизбежно сокращение численности населения в трудоспособном возрасте.

⁶ Human Development Report 2020. <http://hdr.undp.org/en/2020-report>

Но в то же время нельзя не отметить начавшееся еще в середине 2000-х гг. падение уровня смертности: ОПЖ при рождении (это интегральный показатель уровня смертности) в 2005-2019 гг. увеличился на 8.0 года (до 73.3 года), в том числе у мужчин – на 9.3 года (до 68.2 года), а у женщин – на 5.7 года (до 78.2 года) (рис. 3.1). Это один из наиболее важных (а возможно, что и самый важный) процесс в жизни страны за последние десятилетия.

Начавшийся в 2020 г. эпидемиологический кризис существенно изменил текущую ситуацию со смертностью: по предварительной оценке, по итогам 2020 г. ОПЖ при рождении (для обоих полов) составила в России 71.1 года, снизившись по сравнению с 2019 г. сразу на 2.2 года. Эпидемия продолжает влиять на уровень смертности и в 2021 г., поэтому нельзя исключать пессимистический сценарий, при котором в среднесрочной перспективе ОПЖ при рождении будет на несколько лет ниже «доковидной» траектории.

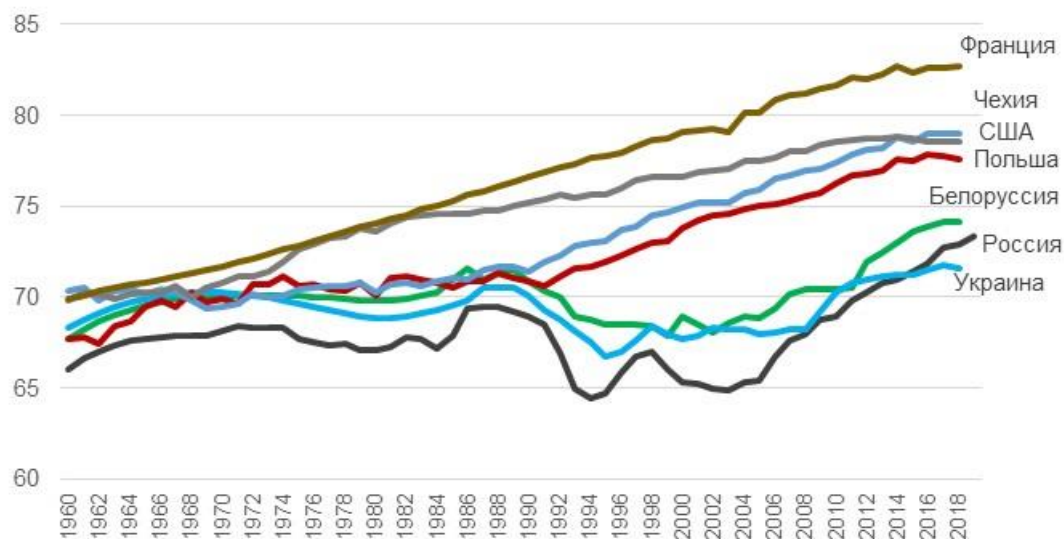

Рис. 3.1. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении для обоих полов в России и некоторых странах, лет

Источник: Росстат, Всемирный банк

Отдельного упоминания, наряду с общим процессом снижения уровня смертности, заслуживает один из его аспектов - динамика младенческой смертности. По итогам 2019 г. она составила 4.9 промилле против 11.0 промилле в 2005 г. и 15.3 промилле в 2000 г. Отметим, что уровень младенческой смертности - один из целевых показателей выполнения национальных проектов: проект «Здравоохранение» предполагал достижение им значения 5.0 промилле к 2024 г.

Наблюдавшийся до 2020 г. рост ОПЖ при рождении (или, что эквивалентно, снижение уровня смертности), во-первых, был связан с общими для некоторых постсоветских стран закономерностями развития общества, изменением установок и образа жизни значительной части их населения (в Белоруссии и – в меньшей степени – на Украине ОПЖ при рождении тоже растет, хотя и медленнее, чем в России). Во-вторых, с государственными мерами в области развития приоритетных направлений здравоохранения (строительство перинатальных и кардиологических центров в регионах страны), строительства и обновления инфраструктуры, прежде всего автомобильных дорог, и институционального регулирования рынка алкоголя.

В то же время, как показывают межстрановые сопоставления, все еще остается огромный потенциал снижения уровня смертности. Если за десять ближайших лет Россия достигнет текущей ОПЖ при рождении в Польше (78 лет для обоих полов), это будет очень значительным успехом.

Полезным инструментом для анализа ОПЖ при рождении является декомпозиция разности значений этого показателя между популяциями или различными периодами в рамках одной популяции по причинам смерти, возрастным группам или сразу по двум этим характеристикам⁷.

7 Preston S.H., Heuveline P., Guillot M. Demography: Measuring and Modelling Population Processes. - Blackwell Publishers Inc., 2001.

Arriaga E. Measuring and Explaining the Change in Life Expectancies //Demography. - 1984. - 21 (1). - P. 83-96

На рис. 3.2 и в таблице 3.1 показана декомпозиция прироста ОПЖ при рождении в 2005-2019 гг. отдельно для мужчин и женщин: в первом случае – по укрупненным группам причин смерти в разрезе Международного классификатора болезней 10-го пересмотра (МКБ-10), во втором – двумерная разбивка по тем же причинам смерти и широким возрастным группам.

Как показывает рис. 3.2, для мужчин основной вклад в рост ОПЖ при рождении в 2005-2009 гг. обусловили две группы причин: “Внешние причины заболеваемости и смертности” (4.20 года) и “Болезни системы кровообращения” (4.05 года). Показатели в скобках интерпретируются таким образом: если бы в 2019 г. возрастные коэффициенты смертности от «Внешних причин заболеваемости и смертности» и «Болезней системы кровообращения» были такими же, как в 2005 г., их ОПЖ при рождении снизилась бы, соответственно, на 4.20 и 4.05 года. Также можно выделить вклад в рост ОПЖ при рождении российских мужчин снижения смертности от “Болезней органов дыхания” (0.48 года) и “Новообразований” (0.32 года).

У российских женщин наибольший вклад в рост ОПЖ при рождении внесли “Болезни системы кровообращения” (4.15 года), за ними следуют “Внешние причины заболеваемости и смертности” (1.54 года), “Новообразования” (0.21 года) и “Болезни органов дыхания” (0.18 года).

Декомпозиция прироста ОПЖ при рождении в России в 2005-2019 гг. по укрупненным причинам смерти МКБ-10, лет

Источник: расчеты ИНП РАН по данным Российской базы данных по рождаемости и смертности⁸

Из таблицы 3.1 видно, что в 2005-2019 гг., если рассматривать возрастные группы, основной вклад в рост ОПЖ при рождении у мужчин внесло снижение уровня смертности в трудоспособном возрасте: для возрастной группы 20-59 лет - 5.87 года, в том числе для 40-59 лет – 3.37 года.

У женщин снижение возрастных коэффициентов смертности в возрастной группе 20-59 лет добавило 2.12 года в ОПЖ при рождении, при этом вклад пожилых возрастов – 60 лет и старше - был даже выше и составил 3.01 года.

⁸ Российская база данных по рождаемости и смертности. Центр демографических исследований Российской экономической школы, Москва (Россия). База данных доступна по адресу http://demogr.nes.ru/index.php/ru/demogr_indicat/data.

Таблица 3.1. Декомпозиция прироста ОПЖ при рождении в России в 2005-2019 гг. в разрезе укрупненных причин смерти МКБ-10 и возрастных групп, лет

Мужчины								
	Всего	0	1-9	10-19	20-39	40-59	60-79	80+
Всего	9.56	0.44	0.19	0.23	2.49	3.37	2.14	0.70
Некоторые инфекционные и паразитарные болезни	0.15	0.02	0.01	0.00	0.03	0.06	0.02	0.00
Новообразования	0.32	0.00	0.01	0.00	0.02	0.16	0.12	0.01
Болезни эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ	-0.08	0.00	0.00	0.00	0.00	-0.01	-0.06	-0.02
Болезни нервной системы	-0.21	0.00	0.01	0.00	0.02	0.02	-0.12	-0.13
Болезни системы кровообращения	4.05	0.00	0.00	0.00	0.28	1.21	1.66	0.89
Болезни органов дыхания	0.48	0.04	0.01	0.00	0.07	0.20	0.13	0.02
Болезни органов пищеварения	0.13	0.00	0.00	0.00	0.07	0.06	0.00	-0.01
Внешние причины заболеваемости и смертности	4.20	0.06	0.13	0.21	1.87	1.55	0.38	0.01
Другие причины смерти	0.52	0.31	0.03	0.01	0.13	0.13	0.00	-0.07
Женщины								
	Всего	0	1-9	10-19	20-39	40-59	60-79	80+
Всего	5.78	0.36	0.17	0.12	0.74	1.38	2.09	0.92
Некоторые инфекционные и паразитарные болезни	-0.01	0.02	0.01	0.00	-0.03	-0.01	0.00	0.00
Новообразования	0.21	0.00	0.01	0.01	0.02	0.11	0.08	-0.02
Болезни эндокринной системы, расстройства питания и нарушения обмена веществ	-0.18	0.00	0.00	0.00	0.00	-0.01	-0.11	-0.06
Болезни нервной системы	-0.40	0.00	0.01	0.00	0.01	0.00	-0.15	-0.27
Болезни системы кровообращения	4.15	0.00	0.00	0.00	0.11	0.61	2.02	1.41
Болезни органов дыхания	0.18	0.03	0.01	0.00	0.03	0.05	0.05	0.01
Болезни органов пищеварения	0.06	0.00	0.00	0.00	0.03	0.06	0.00	-0.04
Внешние причины заболеваемости и смертности	1.54	0.06	0.11	0.10	0.51	0.52	0.23	0.01

Источник: расчеты ИНП РАН по данным Российской базы данных по рождаемости и смертности

Демографическая нагрузка на экономику. При анализе неизбежных демографических изменений часто обращается внимание на прогнозируемое соотношение численности пожилого населения и населения трудоспособных возрастов – традиционный коэффициент демографической нагрузки пожилым

населением. Исходя из того, что в средне- и долгосрочной перспективе это соотношение вырастет, причем значительно, по сравнению с текущим уровнем, делается вывод о том, что демографическая нагрузка на экономику становится чуть ли не основным ограничением ее роста. В свою очередь, необходимостью избежать такого торможения обосновывается необходимость повышения пенсионного возраста, стимулирования иностранной трудовой миграции и другие меры – все это неизбежно затрагивает социальную сферу.

Подробное рассмотрение этого вопроса можно найти в монографии ИМП РАН, посвященной трансформации структуры российской экономики⁹, здесь же просто перечислим основные недостатки описанного выше подхода:

- рассмотрение коэффициента демографической нагрузки на экономику только со стороны пожилого населения (корректнее – общая нагрузка, и она будет расти не столь значительно, так как нагрузка молодежью снизится);
- сопоставление прогнозных значений коэффициентов демографической нагрузки только с текущими значениями, без учета ретроспективы (а иначе было бы видно, что в 1960-е и 1980-е гг. страна уже сталкивалась со значительным ростом общего коэффициента демографической нагрузки);
- неоднозначность в определении границ трудоспособного возраста;
- игнорированием занятого населения нетрудоспособных возрастов и незанятого населения трудоспособного возраста.

Чтобы учесть перечисленные недостатки, для определения уровня демографической нагрузки на экономику предлагается использовать *эффективные коэффициенты демографической нагрузки*, определяемые как

⁹ Трансформация структуры экономики: механизмы и управление // Москва, МАКС Пресс — 2018.
<https://ecfor.ru/publication/transformatsiya-struktury-ekonomiki-mehanizmy-i-upravlenie/>

соотношение численности депендантов и занятых (число депендантов рассчитывается как разность между совокупной численностью населения страны и численностью занятых в экономике).

На рис. 3.3 представлены результаты оценки демографической нагрузки на экономику до 2050 г. в рамках базового демографического сценария и сохранения на всем прогнозном интервале текущих половозрастных уровней участия в рабочей силе и безработице (отметим, что эти результаты показывают очень высокую устойчивость к изменению демографических сценариев). При сделанных предположениях общий эффективный коэффициент демографической нагрузки, равный 107.5% в 2020 г., возрастет до 126% к 2030 г., будет находиться приблизительно на этом уровне до начала 2040-х годов, после чего снова начнет расти и достигнет 147% к 2050 г.

Таким образом, уровень демографической нагрузки на экономику, зафиксированный в 2000 г., будет превзойден только в конце 2020-х гг., а наблюдавшийся в 1999 г. – в 2040-е гг. Отметим при этом, что высокая относительно текущего уровня демографическая нагрузка не помешала экономике успешно развиваться в 2000-е гг.

Однако важен не только рост уровня демографической нагрузки на экономику, но и структура этой нагрузки. На рис. 3.3 для корректности сопоставлений к молодым депендантам отнесено неработающее население в возрасте 0-19 лет, к пожилым – неработающие мужчины/женщины в возрасте 60/55 лет и старше. Если даже сейчас демографическая нагрузка на экономику со стороны молодежи все еще выше, чем нагрузка со стороны пожилых, то во второй половине 2020-х гг. ситуация впервые изменится, после чего разрыв между ними будет только возрастать. И это может стать вызовом для страны, который потребует модификации сложившейся перераспределительной системы.

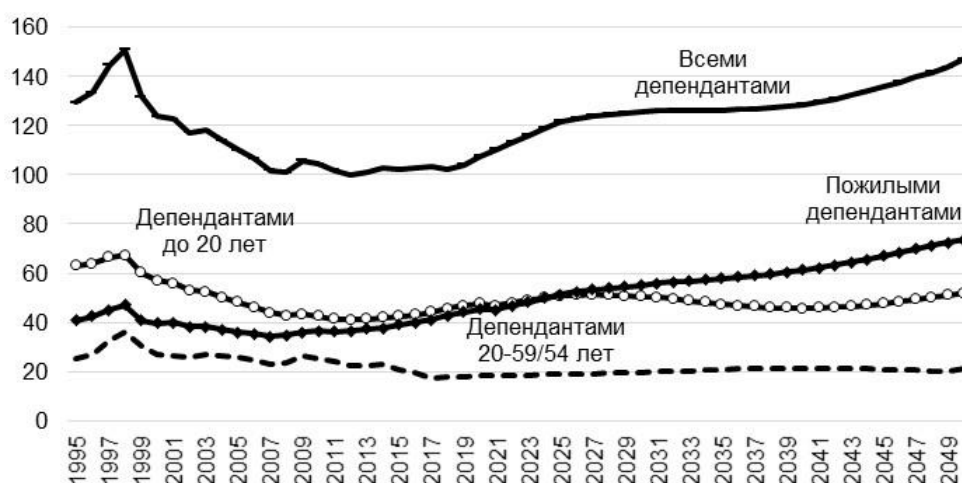

Рис. 3.3. Эффективные коэффициенты демографической нагрузки на экономику России, %

Источник: отчетный период – расчеты ИНП РАН по данным Росстата, прогноз – расчеты ИНП РАН

Кроме того, в рассуждения необходимо добавить фактор производительности труда: один и тот же уровень демографической нагрузки может по-разному влиять на состояние экономики при разных уровнях производительности. Меньшая производительность труда при одинаковом уровне демографической нагрузки означает, что общество может произвести меньший объем товаров и оказать меньший объем услуг. Как результат, для поддержания приемлемого уровня жизни депендантов в этом случае требуется перераспределение в их пользу большей доли ресурсов, что может снизить уровень жизни занятого населения, а также стать препятствием для экономического развития.

Для снижения реальной демографической нагрузки на экономику необходим роста производительности труда. Расчеты показывают, что, если в ближайшие 30 лет она будет расти в среднем на 1% в год, этого хватит для того, чтобы компенсировать прогнозируемый к 2050 г. рост эффективного коэффициента демографической нагрузки. Но при этом долгосрочный рост производительности невозможен без развития и реализации человеческого

потенциала, роста знаний и навыков работников, улучшения их здоровья и продолжительности жизни, поддержания достаточного уровня трудовой мотивации.

Мотивация российских работников. Существует миф о нежелании работать значительной части населения России, их низкой мотивации к труду и государственно-патерналистском настрое, и о том, что недостаточная трудовая мотивация – основная причина низкого уровня жизни. Однако анализ статистики занятости говорит об обратном.

В качестве показателя, который может косвенно характеризовать трудовую мотивацию, предлагается рассматриваться уровни участия в рабочей силе по пятилетним половозрастным группам. Определяются они как соотношение численности рабочей силы (занятые плюс безработные по методологии МОТ) и совокупной численности населения для соответствующих половозрастных групп.

Межстрановые сопоставления показывают, что для большей части возрастных групп уровни участия в рабочей силе как мужчин, так и женщин являются одними из самых высоких среди стран со схожим или более высоким, чем в России, средним уровнем дохода. Уровни участия в рабочей силе российских мужчин в возрасте 25-49 лет равны приблизительно 95%, женщин – 80-90%. Причем такие высокие значения этого показателя сохраняются уже в течение нескольких десятилетий.

На рис. 3.4 показаны половозрастные уровни участия в рабочей силе в России, Японии и Германии в 2019 г. Для сравнения были выбраны страны с очевидно высокой мотивацией работников к труду, хотя в рамках анализа проведены сравнения и с несколькими десятками других стран. Российские значения ниже немецких и японских для молодежи в возрасте 15-24 лет, а также для населения старше 50 лет.

При этом для большинства российских мужчин трудоспособного возраста – 25-49 лет – характерны такие же уровни участия в рабочей силе, как в Германии и Японии. У российских женщин этот показатель стабильно выше немецких и японских значений для 30-54 лет.

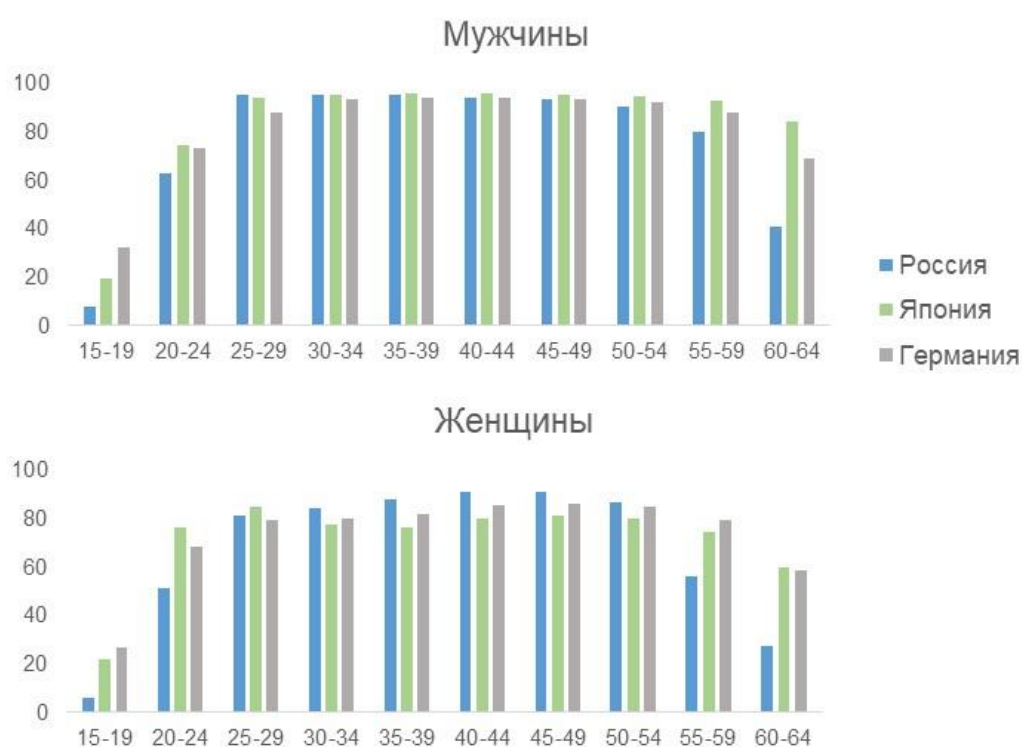

Рис. 3.4. Половозрастные уровни участия в рабочей силе в России, Японии и Германии в 2019 г., % среднегодовой численности населения соответствующей категории

Источники: Росстат, МОТ

В последние годы уровни участия в рабочей силе мужчин и женщин предпенсионного и пенсионного возрастов постепенно растут, но тем не менее остаются низкими на фоне многих других стран. Сложившаяся ситуация отражает прежде всего крайне низкие показатели продолжительности активной (здоровой) жизни населения и отличающиеся от многих других стран границы пенсионного возраста. Кроме того, низкая востребованность

лиц этих возрастов может косвенно свидетельствовать об отсутствии в настоящее время значительного дефицита трудовых ресурсов.

По нашим оценкам, за счет сокращения смертности и повышения уровней участия в рабочей силе населения предпенсионного и пенсионного возрастов (на 5-11 п. п. для разных групп) к 2035 г. может быть обеспечен дополнительный рост ВВП не менее чем на 8%, или 5,5 трлн руб. в ценах 2016 г. Это означает, что за счет этих факторов в 2018-2035 гг. может быть достигнут дополнительный прирост среднегодовых темпов ВВП как минимум в 0,5 п. п.

Квалификационная структура занятости российских работников. Квалификационная структура занятости, с одной стороны, отражает образовательный уровень и навыки населения, с другой – является индикатором спроса на те, или иные навыки в условиях сложившейся производственной и технологической структуры экономики.

Согласно выборочным обследованиям Росстата, в среднем в 2019 г. в российской экономике к числу занятых относились 71.9 млн. чел. (иностранные трудовые мигранты практически не попадают в это число). В таблице 3.2 представлена структура занятых в разрезе укрупненных групп занятий. Самой многочисленной группой стали “Специалисты высшего уровня квалификации”: к ней были отнесены 25.0% всех работников. Среди других групп обращают на себя внимание три:

- “Продавцы” – 7.5% занятых;
- “Водители и операторы подвижного оборудования” – 9.4% занятых;
- “Неквалифицированные рабочие” – 7.8% занятых.

В сумме к трем перечисленным позициям относится 24.8% занятых в экономике страны. Более того, большая часть иностранных трудовых мигрантов, не учитываемых в обследованиях Росстата, тоже относится к одной

из этих позиций. Перечисленные позиции объединяет то, что они имеют очень высокий потенциал автоматизации в долго- и даже среднесрочной перспективе (правда, в группе “Неквалифицированные рабочие” это относится не ко всем видам занятий).

Таблица 3.2. Распределение занятых в экономике России по группам занятий в 2019 г.

	Млн. чел.	%
Всего	71.9	100
Руководители	4.4	6.1
Специалисты высшего уровня квалификации	17.9	25.0
Специалисты среднего уровня квалификации	10.0	13.9
Служащие, занятые подготовкой информации, оформлением документации, учетом и обслуживанием	2.1	2.9
Работники сферы обслуживания и торговли, охраны граждан и собственности	11.3	15.7
Продавцы	5.4	7.5
Квалифицированные работники сельского и лесного хозяйства, рыбоводства и рыболовства	1.7	2.4
Квалифицированные рабочие промышленности, строительства, транспорта и рабочие родственных занятий	9.7	13.4
Операторы производственных установок и машин, сборщики и водители	9.3	12.9
Водители и операторы подвижного оборудования	6.8	9.4
Неквалифицированные рабочие	5.6	7.8

Источник: Росстат

При такой структуре занятости - дефицит трудовых ресурсов в российской экономике, о котором там много говорят в последнее время, действительно может наступить, но только если в течение ближайших 10-15

лет в ней не произойдет каких-либо серьезных изменений. На наш взгляд, такое развитие событий маловероятно: структура производства и спроса на труд будут меняться либо под воздействием роста инвестиций и модернизации производства, либо за счет активной выбраковки неэффективных производств. При этом темп изменений во многом будет определяться эффективностью государственной инвестиционной и инновационной политики.

Таким образом, неизбежное в средне- и тем более долгосрочной перспективе снижение спроса на низкоквалифицированный и поддающийся автоматизации труд, с одной стороны, приведет к необходимости смены мест работы для большого числа работников, с другой – будет способствовать постепенному преодолению демографических вызовов без необходимости дополнительного привлечения иностранных трудовых мигрантов.

С точки зрения требований к системе образования можно сказать о потенциале ее постепенного подстраивания под требования перспективной структуры занятости. В этом случае при снижении спроса на низкоквалифицированный труд и некоторые другие профессии необходимые трансформации в структуре занятости произойдут естественным образом и не приведут к социальным потрясениям.

4. Социальные расходы бюджетной системы

Важнейшей задачей государства является рациональное перераспределение доходов, способствующее устойчивому экономическому росту. При этом государство как экономический агент уже в течение почти двух десятилетий оперирует достаточными финансовыми ресурсами для расширения списка задач бюджетной политики, который независимо от экономической конъюнктуры все эти годы фактически исчерпывался двумя пунктами: отсутствием бюджетного дефицита и накоплением резервных фондов. Так, например, в 2019 г. доходы бюджетной системы превысили 35% к ВВП, расходы – 33%¹⁰, и это стандартная ситуация для последних двух десятилетий (2020 г. здесь не рассматривается из-за очевидной аномальности произошедших в этом году событий).

На рис. 4.1 показаны социальные расходы расширенного правительства в большей части стран ОЭСР и России. При этом к расходам расширенного правительства, если рассматривать Россию, для сопоставимости с данными ОЭСР отнесены расходы консолидированного бюджета и бюджетов государственных внебюджетных фондов, а к социальным расходам — расходы по статьям «Социальная политика», «Здравоохранение» и «Образование». Таким образом, социальные в данном случае включают в себя как непосредственно денежные выплаты (это прежде всего пенсии, а также другие виды пособий). так и социальные трансферты в натуральной форме, состоящие главным образом из финансируемых государством услуг здравоохранения и образования.

В 2019 г. в России социальные расходы расширенного правительства составили 18.8% (следует отметить, что в последние 15 лет эта стабильно возрастает), достигнув уровня, характерного для большей части стран

10 Отчет об исполнении бюджета Консолидированный бюджет Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов. Информация официального сайта Федерального казначейства: <http://roskazna.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannyj-byudzheta/>

Восточной Европы (за исключением Польши), по многим параметрам сопоставимым с Россией.

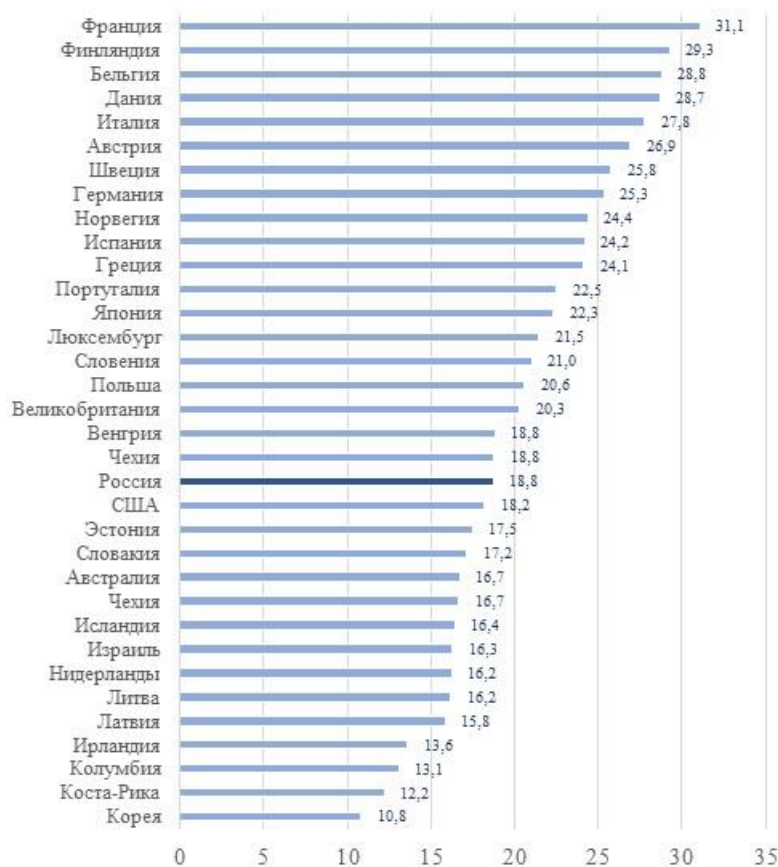

Рис. 4.1 Социальные расходы расширенного правительства в странах ОЭСР и России в 2018 г., % ВВП

Примечание. Данные по России — за 2019 г., по Австралии и Японии — за 2017 г.

Источники: ОЭСР, Росстат, Росказна

С одной стороны, из этого может последовать вывод о том, что существенных резервов по повышению уровня социальной поддержки населения со стороны государства в России нет. С другой стороны - рассмотрение совокупных расходов расширенного правительства показывает (рис. 4.2), что в России их величина относительно ВВП (33.9% в 2019 г.) по международным меркам сравнительно невысока. Поэтому можно предположить, что Россия имеет резервы для роста государственных расходов в целом и в частности — расходов для увеличения объема социальной

поддержки населения и постепенного устранения ограничений развития, связанных с низким уровнем и качеством жизни значительной части населения.

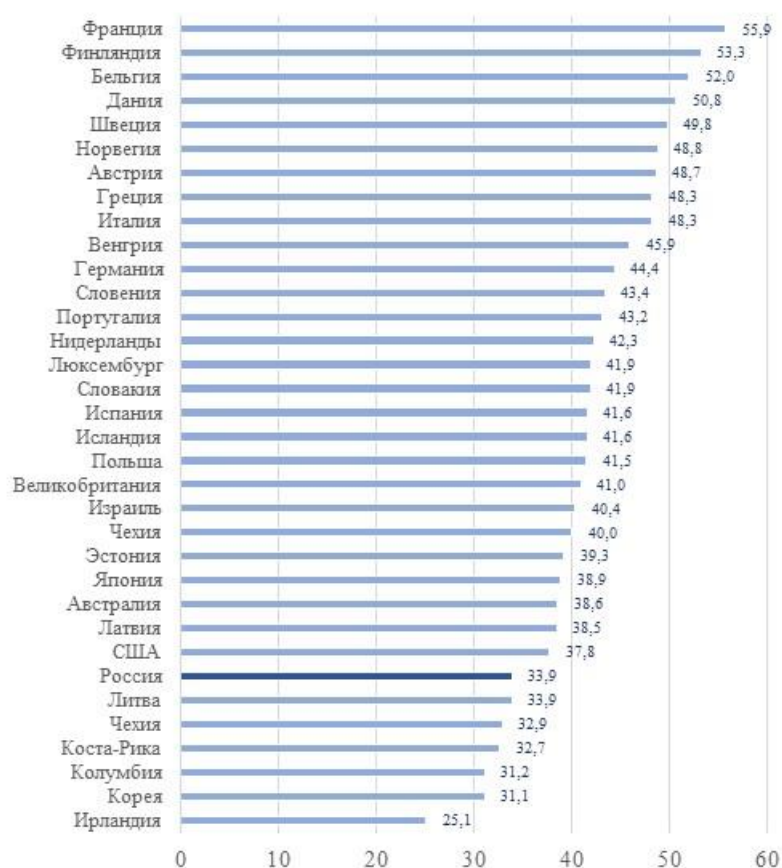

Рис. 4.2 Совокупные расходы расширенного правительства в странах ОЭСР и России в 2018 г., % ВВП

Примечание. Данные по России — за 2019 г., по Чехии и Коста-Рике — за 2017 г.

Источники: ОЭСР, Росстат, Росказна

Этот факт позволяет дополнительно перераспределять часть доходов экономики в пользу бюджетной системы и увеличивать таким образом объем социальной поддержки населения и обеспечить постепенно снижение ограничений развития, связанных с низким уровнем и качеством жизни значительной части населения.

Одним из путей такого перераспределения может стать модернизация системы налогообложения доходов физических лиц. В 2020 г. были сделаны первые шаги по увеличению налога на доходы наиболее обеспеченных граждан (с уровнем годового дохода свыше 5 млн. руб.). Наши оценки показывают, что у 20% наиболее богатых граждан норма сбережения сейчас составляет достигает 25%.

В этих условиях, например, увеличение ставки налога на НДФЛ для 20% наиболее богатых граждан до 25% способно привести к такому перераспределению доходов, которое увеличит спрос, а соответственно и ВВП, как минимум на 2%. Конечно в данном случае речь должна идти не просто о росте налоговой нагрузки, но и о модернизации всей бюджетной системы, обеспечивающей не просто рост ее доходов, но и формирование каналов использования этих средств в пользу решения задач социальной политики.

Оценивать возможности и последствия реализации той или иной бюджетной политики необходимо с использованием не только казначейских отчетов (в терминах «доходы-расходы-дефицит»), но и всего арсенала доступных аналитических инструментов. В качестве такого инструментария представляется целесообразным использовать институциональные счета, которые достаточно редко используются российскими исследователями для аналитики или построения эконометрических моделей.

Показатели институциональных счетов (одной из составных частей системы национальных счетов - СНС) полностью отражают процесс формирования конечных располагаемых доходов и сбережений, напрямую определяющих величину расходов экономических агентов. При этом государство играет решающую роль в перераспределении национального дохода, фактически перенаправляя финансовые ресурсы от бизнеса к населению.

Основными источниками доходов сектора государственного управления являются валовая добавленная стоимость, налоги и страховые взносы (таб. 4.1).

Таблица 4.1. Ресурсы государственного сектора и их использование

	Потоки (млрд руб.)			Потоки (в % к итогу)		
	2010	2015	2018	2010	2015	2018
Ресурсы, в том числе:	21557	37934	50524	100	100	100
ВДС госсектора	5191	11047	13625	24	29	27
в том числе валовая прибыль	240	2474	3328	1	7	7
Чистые налоги и страховые взносы	16028	23035	30318	74	61	60
Чистые доходы от собственности	335	3850	6581	2	10	13
Использование, в том числе:	22124	39534	47195	100	100	100
Оплата труда	4879	8457	10170	22	21	22
Социальные выплаты	5101	8355	10100	23	21	21
Трансферты в натуральной форме	4119	6408	7792	19	16	17
Государственное потребление	4553	8353	10602	21	21	22
Инвестиции	2535	5230	5334	11	13	11
Сбережения	-567	-1600	+3329	-	-	-

Источник: данные Росстата.

Несмотря на многочисленные изменения налоговой и бюджетной системы, объем ресурсов государственного сектора был достаточно стабильным и составлял 45% от ВВП в 1990-х гг. и 46-48% в 2000-2010-х гг. При этом напрямую в пользу населения государственный сектор перераспределяет до 50% этих средств путем выплат заработной платы и пенсий, а также финансирования трансфертов населению в натуральной форме (табл. 4.2).

Таблица 4.2. Потоки перераспределения национального дохода с участием государственного сектора

Потоки (млрд.руб., в скобках – динамика к предыдущему году в %)	2010 (отчет)	2015 (отчет)	2017 (отчет)	2018 (отчет)	2019 (оценка)
Чистые налоги (бизнес → государство)	8117 (+33%)	8372 (-7%)	9570 (+10%)	11735 (+23%)	12717 (+8%)
в том числе: субсидии (государство → бизнес)	470 (-16%)	788 (+5%)	841 (+5%)	916 (+9%)	980 (+7%)
Страховые взносы и прочие выплаты (бизнес → государство)	2779 (+7%)	5993 (+9%)	6940 (+8%)	7617 (+10%)	8565 (+12%)
Налоги (население → государство)	2506 (+10%)	4448 (0%)	5067 (+7%)	5691 (+12%)	6519 (+15%)
Заработная плата (государство → население)	4985 (+14%)	8615 (+2%)	9211 (+4%)	10364 (+13%)	11172 (+8%)
Социальные выплаты (государство → население)	5030 (+37%)	7624 (-1%)	9451 (+7%)	9885 (+5%)	10924 (+11%)
Трансферты в натуральной форме (государство → население)	4344 (+6%)	6722 (+4%)	7183 (+4%)	8183 (+14%)	9295 (+14%)
Баланс взаимодействий государственного сектора и бизнеса	10896 (+25%)	14365 (-1%)	16510 (+9%)	19352 (+17%)	21281 (+10%)
Баланс взаимодействий государственного сектора и населения	-11853 (+20%)	-18513 (+2%)	-20778 (+5%)	-22741 (+9%)	-24872 (+9%)

Источник: данные Росстата и расчеты ИНИП РАН.

С точки зрения роли госсектора в перераспределении национального дохода в пользу населения необходимо отметить, что в 2016-2019 гг. динамика чистого финансового потока от государства в пользу населения была достаточно высокой (табл. 4.2), но при этом оказалась ниже динамики потока от бизнеса к государству. Таким образом, потенциал наращивания поддержки населения в условиях значимого восстановления нефтяных цен и нефтегазовых доходов бюджета был использован не в полной мере. При этом наиболее стабильно наращивался объем финансирования социальных выплат домохозяйствам, тогда как для выплат заработной платы и трансфертов в натуральной форме реальный прирост финансирования произошел только в 2018 г.

Сложившиеся потоки перераспределения доходов через государственный сектор в условиях низких темпов экономического роста и негативной динамики доходов населения дополнительно, пусть и незначительно, сдерживали экономический рост. Это, среди прочего, свидетельствует о том, что бюджетная политика последних лет носила проциклический характер, что естественно в условиях накопления резервов. Проблема макроэкономического характера состоит в том, что при этом сформировались устойчивые тренды по снижению доли доходов, перераспределяемых в пользу населения.

В связи с этим было бы целесообразно предусмотреть дополнительные меры компенсации снизившихся доходов населения, в том числе через инструменты увеличения трансфертов в натуральной форме в части обеспечения наиболее бедных граждан продовольствием, медикаментами и другими товарами первой необходимости. В современных условиях примером такой поддержки являются выдача детского питания для детей до 1 года в г. Москве.

В 2020 г. пандемия, вызванные ею локдаун и обвал доходов населения послужили катализатором восстановления усилий государства по поддержке

уровня жизни населения. Так, расходы федерального бюджета и региональных бюджетов на социальную политику выросли на 43% и на 24%, соответственно; расходы на здравоохранение – на 87% и 72%, соответственно. Также, несмотря на все ограничения в работе образовательных и культурных учреждений, расходы бюджетной системы на образование и культуру увеличились на 8%. Безусловно положительным можно считать опыт поддержки граждан, оставшихся без работы: благодаря значимому повышению размера пособий доля официально зарегистрированных безработных выросла до 77% от общего числа безработных (против 20% в начале года). Таким образом, повышение размера пособий стало практически единственной мерой поддержки занятых в неформальном секторе.

Однако, расходы на оплату труда занятых в госсекторе росли значительно медленнее – на 6% в номинальном выражении (по состоянию на 1 декабря 2020 г.) или на 1.8% в реальном выражении. Это означает, что не все категории работающих в бюджетном секторе были поддержаны государством: так, по данным за январь-октябрь прирост среднемесячной заработной платы одного занятого в сфере культуры и спорта составил 0.3% в номинальном выражении (-3% с учетом инфляции). В сфере образования прирост составил +5.6%, однако уровень зарплаты по-прежнему существенно ниже среднего по экономике (77%). Более того, даже в здравоохранении на фоне всех введенных доплат за работу с COVID-пациентами (благодаря чему зарплата выросла на 14.5%) уровень оплаты труда ниже среднероссийского на 2%.

В ближайшую трехлетку (судя по принятому закону о федеральном бюджете на 2021-2023 гг.) объем финансирования бюджетных расходов сохранится. Более того, даже ожидается некоторая коррекция вверх в 2021 г., несмотря на вероятное сокращение доходной базы (см. табл. 4.3). Однако уже в 2022 г. расходы (без учета процентных выплат по госзаймам) планируется значительно снизить (прежде всего в части расходов на национальную экономику, см. табл. 4.4). Исключение составят расходы на здравоохранение,

социальную политику и образование (в номинальном выражении). При этом номинальное сокращение расходов федерального бюджета в 2021 г. составит 5% год к году (после роста на 24% в 2020 г. – оценка Минфина) с последующим ростом на 2% в 2022 г. и на 8% в 2023 г. Таким образом, только в 2023 г. номинальный уровень федеральных расходов превысит объем расходов 2020 г., а в реальном выражении их снижение к концу рассматриваемого периода составит 6.5%.

Таблица 4.3. Разница в проектных уровнях расходов федерального бюджета РФ, утвержденных в рамках закона о бюджете на периоды 2021-2022 гг. и 2020-2022 гг.

Параметры федерального бюджета	2021	2022
	ФБ	ФБ
Доходы, млрд.руб.	-2481	-1421
Расходы, млрд.руб.	+886	+122
в том числе:		
образование, млрд.руб.	+135	+149
культура, млрд.руб.	+2	+1
здравоохранение, млрд.руб.	+168	+159
социальная политика, млрд.руб.	+548	+934
физкультура и спорт, млрд.руб.	+4	0

Несмотря на обнадеживающие планы в части повышения государственных социальных расходов, источники их финансирования не вполне устойчивы. На всем периоде 2021-2023 гг. прирост расходов федерального бюджета будет сфокусирован не на социальных, а на инфраструктурных расходах. Увеличение социальных расходов будет обеспечиваться на уровне региональных бюджетов и бюджетов внебюджетных фондов. Сбалансированность последних предполагается обеспечить в том числе за счет растущих трансфертов из федерального бюджета, однако поддержка из центра региональных бюджетов в 2021-2022 гг. будет значительно сокращена (на 18% и 3% соответственно). Рост

собственных доходов регионов при этом объективно ограничен на фоне невысоких восстановительных темпов роста экономики. Все это, вероятно, может привести к коррекции запланированных расходов в меньшую сторону (прежде всего, в здравоохранении).

Таблица 4.4. Оценки динамики расходов бюджетной системы РФ на период 2021-2023 гг. (с учетом внебюджетных фондов)

Параметры бюджетной системы	2021		2022		2023	
	Всего	ФБ	Всего	ФБ	Всего	ФБ
Расходы, млрд.руб.	42570	21502	43611	21885	46506	23671
% к прошлому году	103%	95%	102%	102%	107%	108%
в том числе:						
образование, млрд.руб.	4465	1083	4573	1052	4788	1095
% к прошлому году	105%	107%	102%	97%	105%	104%
культура, млрд.руб.	625	135	638	125	662	122
% к прошлому году	101%	93%	102%	93%	104%	97%
здравоохранение, млрд.руб.	4428	1129	4591	1135	4748	1101
% к прошлому году	101%	89%	104%	100%	103%	97%
социальная политика, млрд.руб.	14822	5595	15090	5762	15841	6074
% к прошлому году	103%	97%	102%	103%	105%	105%
физкультура и спорт, млрд.руб.	371	65	381	64	383	54
% к прошлому году	100%	88%	103%	98%	101%	84%

В целом, роль государства в перераспределении национального дохода в пользу населения нельзя недооценивать. При этом только экономический рост может обеспечить генерацию необходимых для этого бюджетных ресурсов.

В краткосрочной перспективе действенной мерой могло бы стать смягчение бюджетной политики. Отказ от консолидации в 2021 г. и поддержание расходов бюджета на одном уровне в реальном выражении в 2022-2023 гг. позволило бы получить заметное ускорение экономического роста и повышение уровня жизни (см. таблицу 4.5).

Таблица 4.5. Изменение макроэкономических показателей при смягчении бюджетной политики (относительно закона о федеральном бюджете)

	2021	2022	2023
ВВП, годовой прирост	+0.7 п.п.	+0.3 п.п.	+0.2 п.п.
ПДХ, годовой прирост	+0.5 п.п.	+0.3 п.п.	+0.1 п.п.
Госпотребление, годовой прирост	+2.1 п.п.	+0.4 п.п.	+0.5 п.п.
Инвестиции, годовой прирост	+0.7 п.п.	+0.4 п.п.	+0.3 п.п.
в т.ч. государственные инвестиции, годовой прирост	+1.1 п.п.	+1.0 п.п.	+0.9 п.п.
Реальные доходы населения, годовой прирост	+0.5 п.п.	+0.3 п.п.	+0.2 п.п.
Численность безработного населения, млн. чел.	-0.1	0	-0.1

Для дополнительного финансирования можно было бы привлечь средства ФНБ и внутренние займы. При этом объем ФНБ сохранился бы на уровне 2019 г. (8.1 трлн. руб.), а объем госдолга остался бы в «безопасной» зоне (менее 17% к ВВП), что является небольшой платой за ускорение экономического роста после провала 2020 г. Использование дополнительного финансирования преимущественно на государственное потребление (в первую очередь, на образование, здравоохранение и науку) и инвестиции в инфраструктурные проекты позволит добиться мультипликатора дополнительных расходов около единицы в 2021-2022 гг. (то есть на каждый потраченный бюджетный рубль прирост ВВП составит 1 рубль) и 1.5 – в 2023 г. Потери бюджета от дополнительных процентных расходов и сокращения неналоговых доходов от размещения средств ФНБ будут полностью компенсированы ростом налоговых ненефтегазовых поступлений, динамика которых составит 6.5% ежегодно. Таким образом, представленный сценарий действий позволяет не только запустить активное восстановление экономики, но и не угрожает бюджетной стабильности как в кратко-, так и в среднесрочной перспективе.

5. Эффективность труда и уровень заработной платы

Мера влияния фактора труда на динамику производства определяется возможностями роста производительности труда, которая, в свою очередь, зависит от интенсивности обновления капитала, от уровня и динамики заработной платы и качества человеческого капитала¹¹.

Для дальнейшего анализа в качестве показателя производительности труда будем использовать объем валовой продукции (в постоянных ценах), произведенной в расчете на одного занятого работника в среднем в год¹². Рассчитанный таким образом показатель позволяет достаточно объективно измерять уровень и динамику производительности труда на длительной ретроспективе и удобен для межстрановых сопоставлений.

Анализ мирового опыта показывает, что возможности роста производительности труда ограничены; и даже высокие темпы роста инвестиций в основной капитал не всегда могут преломить сложившиеся тенденции. Например, в России период 1999-2008 гг. характеризовался двузначными темпами прироста инвестиций, однако реальный прирост производительности в сфере материального производства в этот период составил не более 3% в год¹³. Зафиксированный Росстатом прирост производительности труда в материальной сфере 6,5% в среднем в год в этот период отражал лишь увеличение загрузки производственных мощностей.

¹¹ Так, например, Р. Солоу отождествлял технологические изменения в экономике с улучшением качественных (образовательных) характеристик рабочей силы: Solow R. Technical Change and the Aggregate Production Function // Review of Economics and Statistics. 1957. No 39. P. 312-320.; Solow R. A Contribution to the Theory of Economic Growth // Quarterly Journal of Economics. 1956. No 70. P. 65-94.

¹² Карпухин Д. Н. Производительность общественного труда и народнохозяйственные пропорции. М.: Издательство «Мысль», 1972 г. – 317 с.; Струмилин С. Г. Проблемы экономики труда. Государственное издательство политической литературы, Москва, 1957; Трудовые ресурсы СССР. Под общей редакцией д. э. н., профессора Л. А. Костина. М.: «Экономика», 1979 г. – 304 с.; Хромов П. А. Производительность труда (теория, методология, динамика). Академия наук СССР Институт экономики. Издательство «Наука», Москва 1979.; Экономика труда. Руководитель авторского коллектива и научный редактор – д.э.н., проф., засл. экономист РФ А. Ф. Зубкова. Учебно-методическое пособие для государственных служащих. Институт труда Министерства труда и социального развития Российской Федерации. Москва. ЗАО «Финстатинформ» ИТД ЗАО «КноРус», 2002. – 490 с.

¹³ Узякова Е.С. Производительность труда и возможности роста экономики. Журнал ЭКО №6 2020 с. 87-110.

Динамика производительности труда зависит в том числе от объема инвестиций (валового накопления основного капитала) и интенсивности обновления капитала в экономике. При этом более высокий рост производительности труда обуславливается существенно более высокой нормой накопления. Например, Китаю для среднегодового прироста производительности в 7% в период 1999-2008 гг. понадобилось нарастить норму накопления до 40%¹⁴. В советский период 1981-1989 гг. относительно невысокий прирост производительности (2,7% в среднем в год в целом по экономике) в нашей стране потребовал нормы накопления около 33%. Не удивительно, что при норме накопления в 22% в период 1999-2008 гг. темпы прироста производительности труда в России не превышали 3% в среднегодовом выражении.

В последние годы (2015-2019 гг.), когда уровень загрузки мощностей и трудовых ресурсов нормализовался, темп прироста производительности труда в России в целом по экономике, по данным Росстата не превышает 1,9%.

К основным и наиболее значимым факторам, оказывающим влияние на рост производительности труда, на наш взгляд, относятся следующие:

Уровень и динамика технологического развития.

Известно, что производительность труда зависит от технологических возможностей производства. Низкий уровень производительности труда в России (в 2019 г. это всего 37% от уровня этого показателя в США, 40% - от Германии, 57% - от Японии и 63% - от Чехии, 73% - от Греции¹⁵) является следствием низкого уровня технологического развития страны. Если в качестве измерителя технологического уровня производства рассматривать продуктивность использования первичных ресурсов¹⁶, то в России в 2017 г.

¹⁴ См. Базу данных WIOD, (World Input-Output Database) [<http://www.wiod.org/home>] и базу данных ОЭСР [<https://data.oecd.org/>]

¹⁵ данные рассчитаны с использованием статистики ОЭСР [<https://data.oecd.org/>]

¹⁶ Величина, обратная материалоемкости по первичным ресурсам. Показывает, что стоимость произведенной в 2017 г продукции была в 5,5 раз выше, чем стоимость затраченных на это первичных ресурсов. Рассчитана с использованием данных межотраслевых балансов за период 1980-2017 гг.

продуктивность экономики была равна 5,5 (цены 2010 г.), тогда как в США и в Германии в 2014 г. этот показатель составлял 9,3 и 9,9 соответственно (в ценах 2010 г.), в Японии – 9,5.

По расчетам ИНП РАН, в период 1990-2008 гг. динамика технологических улучшений¹⁷ в России была в 3 раза выше, чем в Японии, что объясняется традиционным преимуществом стран догоняющих, ориентирующихся преимущественно на заимствования, а не на создание технологических инноваций.

Производительность труда возрастает при повышении технологического уровня производств. При этом производительность, измеренная через удельные затраты труда на производство продукции, всегда растет быстрее, чем продуктивность¹⁸. Это подтверждается статистическими данными не только для отечественной экономики, но и для экономик других стран.

Производительность труда возрастает при повышении технологического уровня производств. При этом в условиях технического прогресса рост затрат труда всегда отстает от динамики потребления первичных ресурсов. В результате производительность труда всегда растет быстрее продуктивности использования первичных ресурсов. Технический прогресс проявляется сначала в снижении удельных затрат труда на переработку первичных ресурсов, а затем в повышении коэффициента фабрикации, то есть выхода продукции на единицу затрачиваемого сырья.

Более быстрый рост производительности труда по сравнению с продуктивностью использования первичных ресурсов подтверждается

¹⁷ В данном случае речь идет о материалоемкости по первичным ресурсам, изменяющейся за счет именно технологических факторов (без учета структурных изменений). Для России именно они наиболее значимы, тогда как в Японии «основная часть снижения материалоемкости объясняется сдвигами в структуре производства» [Узяков М.Н. Эффективность использования первичных ресурсов как индикатор технологического развития: ретроспективный анализ и прогноз // Проблемы прогнозирования М.: Наука/Интерпериодика, 2011. № 2. – 3-18 с., с. 10].

¹⁸ Узякова Е.С. Производительность труда и возможности роста экономики. Журнал ЭКО №6 2020 с. 87-110.

статистическими данными не только для отечественной экономики, но и для экономик других стран.

Соотношение динамики производительности труда и продуктивности для экономики России на ретроспективе 2000-2017 гг. оценивается в 1,008, т.е. при росте продуктивности использования первичных ресурсов на 1%, можно рассчитывать на рост производительности труда на 1,8%.

Уровень и динамика оплаты труда.

Сохранение низких темпов роста производительности труда в значительной степени консервируется низким уровнем заработной платы, который, среди прочего, стимулирует накопление скрытой безработицы (неполной и неэффективной занятости)¹⁹. Напротив, рост оплаты труда стимулирует предприятия более эффективно организовывать рабочий процесс, повышать фондовооруженность рабочих мест, создавать иные предпосылки для роста производительности труда²⁰.

Действительно, как видно из табл. 5.1, рост производительности труда существенно превосходит средние показатели в тех секторах экономики, где заработная плата растет достаточно высокими темпами. К таким секторам можно отнести сельское хозяйство (среднегодовая динамика оплаты труда и производительности в 2010-2017 гг. составила 103,96% и 105,27% соответственно), обрабатывающую промышленность (102,31% и 103,45%, соответственно), деятельность финансовую и страховую (104,03% и 102,62%, соответственно) и деятельность профессиональную, научную и техническую (102,79% и 105,57%, соответственно). В целом по экономике темп роста оплаты труда в 2010-2017 гг. составил 100,9% в год, темп роста производительности – 101,8% в год.

¹⁹ Экономика труда и социально-трудовые отношения. Под ред. Г. Г. Меликьяна, Р. П. Колосовой. – М.: Изд-во МГУ, Изд-во ЧЕРО, 1996. – 623 с.

²⁰ Ивантер В.В. Рецепт Обломова – меньше работаешь – лучше живешь «Эксперт» №36 (1132), Электронный ресурс: <https://expert.ru/expert/2019/36/retsept-oblomova-menshe-rabotaesh---luchshe-zhivesh/>

Таблица 5.1. Среднегодовые темпы роста производительности труда (выпуск/среднегодового занятого) и заработной платы в 2010-2017 гг., %

		Темп роста среднемесячной начисленной зарплатной платы (цены 2009 г., дефлятор ВВП)	Темп роста производительности труда (цены 2010 г.)
Раздел А	Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	103,96	105,27
Раздел В	Добыча полезных ископаемых	97,14	101,64
Раздел С	Обрабатывающие производства	102,31	103,45
Раздел D	Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	100,61	99,42
Раздел F	Строительство	99,68	99,73
Раздел G	Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	100,46	99,18
Раздел H	Транспортировка и хранение	100,41	101,66
Раздел I	Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	99,22	100,02
Раздел J	Деятельность в области информации и связи	100,84	101,68
Раздел К	Деятельность финансовая и страховая	104,03	102,62
Раздел L	Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	102,85	100,90
Раздел М	Деятельность профессиональная, научная и техническая	102,79	105,57
Раздел N	Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги	100,14	101,00
Раздел О	Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	98,95	101,54
Раздел Р	Образование	101,44	100,05
Раздел Q	Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	100,20	101,01
Раздел S	Предоставление прочих видов услуг	100,16	100,65
ВСЕГО		100,87	101,77

Низкий уровень оплаты труда может создавать определенные конъюнктурные конкурентные преимущества для экономики, однако сохранение относительно низкого уровня заработной платы на длительных временных интервалах снижает уровень жизни населения и качество человеческого капитала, тормозит рост экономики (поскольку приводит к ограничению роста спроса населения).

Сравнение заработной платы в России и других странах²¹ показывает, что в 2014 г в России оплата труда значительно отставала от уровня западных стран, однако была выше уровня Китая.

Обращает на себя внимание тот факт, что переход к расчетам по ППС приблизительно в два раза повышает уровень заработной платы в нашей стране, а, следовательно, и другие показатели эффективности и конкурентоспособности нашей экономики. Различия между текущим обменным курсом и ППС связаны с разрывами в качестве продукции и уровнях цен на внутреннем и мировом рынке.

Уровень заработной платы в целом по экономике России, рассчитанный по номинальному курсу доллара, в 2014 г был в 3,8 раз ниже, чем в Германии²², в 3,1 раз ниже, чем в Японии и в 4,6 раз ниже, чем в США, при этом уровень заработной платы в Китае в 2014 г составлял 49% от уровня оплаты труда в России. Аналогичные соотношения, рассчитанные с использованием ППС, свидетельствует о том, что уровень заработной платы в России в 2014 г был в два раза ниже, чем в Германии, в 1,75 раз ниже, чем в Японии и в 2,6 раз ниже, чем в США. Уровень заработной платы в Китае при таком расчете составлял 29% от уровня оплаты труда в России.

²¹ Для расчетов использовалась статистика WIOD за период 2000-2014 гг, и базы данных OECD.

²² Рассчитано с использованием курсов национальных валют рассматриваемых стран.

Если исходить из того, что уровень заработной платы как показатель отражает, в том числе эффективность экономики, то, согласно межстрановым сопоставлениям, наиболее эффективной крупной экономикой следует признать экономику США, затем идет Германия, Япония и т.д. Дальнейшие сравнения будем проводить с эталонной американской экономикой²³ (табл. 5.2).

К секторам, где зарплата в наибольшей степени отстает от уровня оплаты труда США, относятся производство текстильных изделий (где заработная плата в 10,5 раз ниже, чем в США (по текущему обменному курсу) и в 9,1 раз ниже – по ППС), производство компьютерной, электронной и оптической продукции (в 9,2 раза и 7,6 раз ниже соответственно), сельское хозяйство (в 8,7 и 5,8 раз ниже соответственно), производство машин и оборудования (в 8,3 раза и 6,6 раз ниже соответственно), производство древесины и изделий из дерева (в 8,2 раза и в 7,1 раз ниже соответственно), образование (в 6,2 раза и в 1,4 раза ниже соответственно), розничная торговля (в 5,8 раз и в 3,9 раза ниже соответственно).

Уровень производительности труда в этих секторах ниже среднего по экономике России: в производстве электрооборудования – 78% в 2017 г., в оптовой и розничной торговле – 72%, в сельском хозяйстве это 71%, в производстве машин и оборудования – 71%, в производстве медицинского, точного и оптического оборудования – 62%, в текстильной промышленности – 50%, в образовании – 23% (табл. 5.4). Таким образом, подтверждается справедливость тезиса о низкой эффективности использования занятых в секторах с низким уровнем оплаты труда.

Работники указанных сфер деятельности у нас в стране получают существенно меньше, чем в развитых странах. И это прямое следствие того,

²³ Оценки были получены с использованием замкнутого модельного расчета уровня сопоставимых цен и ППС по видам экономической деятельности на основе международных сопоставлений уровня цен по товарным группам за ряд лет (данные Росстата), данных WIOD о фонде оплаты труда по видам деятельности и численности занятого населения, и данных OECD о международных сопоставлениях ППС за ряд лет.

что наша экономика в целом порождает существенно меньший уровень доходов, чем крупные развитые экономики мира.

Единственный способ исправить ситуацию – повысить продуктивность нашей экономики. И это уже проблема экономического роста, развития, структурного и технологического обновления производства.

Таблица 5.2. Соотношение заработной платы в России и США (Россия = 1), 2014 г.

	По ППС	По номинальному курсу \$	Сопоставимый уровень цен (США=100%)
Сельское хозяйство, охота, лесное хозяйство и рыболовство	5,81	8,73	66,5%
Добыча полезных ископаемых и разработка карьеров	4,54	4,88	93,0%
Производство пищевых продуктов, напитков и табачных изделий	4,43	5,21	85,2%
Производство текстильных изделий, одежды и изделий из кожи	9,06	10,49	86,4%
Производство древесины и изделий из дерева и пробки, кроме мебели; производство изделий из соломы и плетеных материалов	7,09	8,21	86,4%
Производство бумаги и бумажных изделий	4,98	5,59	89,0%
Производство кокса и нефтепродуктов	2,59	2,99	86,4%
Производство химических веществ и химических продуктов	6,11	6,76	90,4%
Производство резиновых и пластмассовых изделий	3,75	4,70	79,7%
Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	3,23	5,40	59,8%
Производство основных металлов	4,18	4,55	91,7%
Производство машин и оборудования	6,62	8,30	79,7%
Производство компьютерной, электронной и оптической продукции	7,55	9,16	82,4%
Производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов	4,37	5,06	86,4%
Прочие производства	2,10	3,95	53,2%

Электричество, газ, пар и кондиционирование воздуха	3,89	9,12	42,6%
Строительство	2,90	5,46	53,1%
Оптовая и розничная торговля и ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	2,56	2,88	89,0%
Оптовая торговля, кроме автомобилей и мотоциклов	2,12	2,46	86,4%
Розничная торговля, кроме торговли автотранспортными средствами и мотоциклами	3,88	5,84	66,5%
Услуги по размещению и питанию	2,51	3,01	83,4%
Наземный транспорт и транспортировка по трубопроводам	4,31	5,41	79,7%
Водный транспорт	3,89	7,33	53,2%
Воздушный транспорт	1,78	1,93	92,4%
Складская и вспомогательная деятельность по транспортировке	1,41	1,84	76,5%
Почта и телекоммуникации	1,15	5,01	23,0%
Деятельность по предоставлению финансовых услуг, за исключением страхования и пенсионного обеспечения	2,55	2,70	94,4%
Деятельность в сфере недвижимости	1,15	1,27	90,4%
Аренда и другие виды коммерческой деятельности	0,94	1,07	87,7%
Государственное управление и оборона; обязательное социальное обеспечение	1,32	2,89	45,6%
Образование	1,42	6,21	22,8%
Деятельность в области здравоохранения и социальной работы	1,35	4,22	31,9%
Другие общественные, социальные и личные услуги	2,72	5,26	51,7%
ЭКОНОМИКА в целом	2,67	4,62	57,7%

Источник: статистика ОЭСР (www.oecd.org), база данных WIOD (www.wiod.org), Росстат – Результаты международных сопоставлений ОЭСР-Евростата за 2017 г. Сопоставимый уровень цен (США =100), в %, расчеты ИПП РАН

Применительно к структуре нашей экономики вполне ожидаемо, что более высокий уровень заработной платы наблюдается в экспортно-ориентированных отраслях: в добыче полезных ископаемых уровень заработной платы (измеренный через ППС) в 4,6 раз ниже, чем в США

(уровень относительных цен – 93%), в производстве кокса и нефтепродуктов – в 2,6 раз ниже (уровень относительных цен – 86,4%)); менее высокий уровень - в отраслях, ориентированных на внутренний спрос, сфере услуг. Почти сопоставимы заработные платы в России (измеренные по ППС) и в США в деятельности в сфере недвижимости (1,2) и в государственном управлении (1,3), а в других видах деятельности заработная плата в нашей стране опережает американскую – на 6%. Наименьший относительный уровень цен наблюдается в образовании – 22,8% и в почте и телекоммуникациях – 23%.

Оплата труда выступает как стимул и одновременно как показатель эффективности работы. С ростом уровня заработной платы, как правило, возрастает эффективность экономики и производительность труда. Наши расчеты показывают, что при прочих равных условиях увеличение заработной платы в среднем по экономике на 1% приводит к увеличению производительности труда как минимум на 0,1%.

Эта оценка может быть существенно повышена при разделении вклада основного и человеческого капитала в увеличение производительности труда. Расчеты вклада отдельных факторов в динамику роста российской экономики за период 2000-2019 гг. показывают, что в целом по экономике вклад вещественного капитала в прирост производительности труда составлял 38%, а вклад прироста человеческого капитала составил около 62%. Это было измерено на основе модели производственной функции. Далее, естественно предполагать, что вклад человеческого капитала в прирост производительности труда зависит от уровня дифференциации заработной платы, т.к. высокий уровень ее фактически означает, что часть человеческого капитала (потенциала) не задействована в производстве продукции и де-факто является фиктивной. Исходя из этого, необходимо измерить связь между динамикой дифференциации оплаты труда в ретроспективном периоде и вкладом человеческого капитала в рост его производительности.

В качестве показателя дифференциации заработной платы может быть выбрано соотношение модального (т.е. наиболее типичного уровня заработной платы) и среднего уровня заработной платы. Эти расчеты произведены на основе официальных данных обследований Росстата за апрель соответствующих лет с последующим выравниванием распределений по логнормальной модели. За годы, когда такие обследования не проводились, была применена интерполяция. Проведенные расчеты показывают, что по экономике в целом за период 2000-2019 гг. соотношение модального и среднего уровня оплаты труда менялось следующим образом (табл. 5.3).

Таблица. 5.3 Динамика соотношения модального и среднего уровня оплаты труда в российской экономике за 2000-2019 гг.

Годы	Соотношение модального и среднего уровня оплаты труда	Годы	Соотношение модального и среднего уровня оплаты труда
2000	0,24	2010	0,30
2001	0,20	2011	0,30
2002	0,24	2012	0,31
2003	0,23	2013	0,31
2004	0,25	2014	0,31
2005	0,26	2015	0,33
2006	0,26	2016	0,32
2007	0,28	2017	0,32
2008	0,33	2018	0,34
2009	0,33	2019	0,35

Источник: Росстат, расчеты ИНИП РАН

Расчеты на основе этих данных показывают, что вклад повышения уровня модальной заработной платы по отношению к ее среднему уровню по экономике РФ в целом выражался в том, что на 1% прироста этого соотношения прирост производительности труда составлял 0,68%, имея в виду лишь вклад человеческого капитала.

Разумеется, что этими результатами нужно пользоваться осторожно, учитывая, что мы не имеем четких представлений о возможной границе снижения дифференциации зарплат и невозможно на основе имеющихся статистических данных измерить асимптоты этих изменений. Но не подлежит

сомнению, что повышение соотношения модального уровня оплаты труда и уровня средней оплаты труда примерно до 50% (что соответствует снижению децильного коэффициента фондов до уровня в 5 раз по сравнению с нынешним значением в 13 раз) соответствует переходу к стандартам ЕС до возникновения пандемии нового коронавируса.

Применительно к совокупности видов экономической деятельности «Обрабатывающие производства» коэффициент эластичности производительности труда по соотношению модальной и средней оплаты труда составляет несколько меньше – 0,4. Это означает, что вклад человеческого капитала в рост производительности труда в данном секторе был ниже, чем по экономике в целом. Соответственно, вклад человеческого капитала в общий прирост производительности труда составил округленно 35%. Данный результат представляется закономерным, если учесть, что в составе ВВП имеется ряд компонентов (в частности, нерыночные услуги), применительно к которым показатель динамики производительности труда невозможно точно определить по сравнению с рыночными товарами и услугами, составляющими агрегат «Обрабатывающие производства».

В целом по результатам выполненных расчетов можно констатировать, что снижение дифференциации оплаты труда является значимым фактором повышения его производительности.

Структурный фактор роста экономики.

На динамику производительности труда в целом по экономике оказывает влияние структурный фактор. Потенциал и направление воздействия структурных сдвигов зависит от соотношения отраслевой производительности труда и изменения структуры производства (валовых выпусков). При этом существенным фактором является также исходная структура выпуска базового года.

В целом отраслевая структура занятого населения в России за период с 1980 по 2017 гг. менялась в соответствии с движением занятых в экономиках развитых стран²⁴. Доля занятых в обрабатывающих производствах в общей структуре занятости снизилась на 16 п.п., в сельском хозяйстве - на 6 п.п., занятых в сфере услуг выросла на 21 п.п.

Изменения структуры занятости и соответствующие перемены в структуре производства в 1980-2017 гг. (применительно к ценовым пропорциям последнего десятилетия) являлись фактором снижения динамики суммарной по экономике производительности труда (по нашим оценкам, в среднем на -0,13 п.п. в год), поскольку результатом этих сдвигов являлось увеличение в валовом выпуске доли отраслей с относительно низкой производительностью труда, в первую очередь, торговли и отраслей социальных услуг.

Сырьевая ориентация экономики означает относительно ограниченные возможности увеличения производительности труда в силу ресурсных ограничений роста производства. Сектора сферы услуг обладают несколько большим потенциалом роста производительности, но реализация этого потенциала во многом зависит от роста производительности и заработной платы в реальном секторе, доходы которого они обслуживают. Таким образом, совокупный эффект роста производительности труда связан с целым рядом структурных, инвестиционных и институциональных факторов роста экономики.

По нашим оценкам²⁵, изменение структуры производства за счет повышения доли машиностроительных и нефтехимических производств и снижения доли сельского хозяйства, оптовой и розничной торговли может

²⁴ Трансформация структуры экономики: механизмы и управление. Монография под науч. ред. А.А. Широга – Москва: МАКС Пресс, 2018. – 264 с.

²⁵ Выполненным на основе данных расчетных межотраслевых балансов ИНП РАН.

добавить к росту производительности труда до 0.5 п.п. в перспективе до 2035 г.

При оценке влияния изменений в структуре экономики на производительность труда важно учитывать относительные цены. Структура относительных цен в России и в развитых экономиках мира существенно отличается (в силу значительных несоответствий курса национальной валюты и паритета покупательной способности), что обуславливает недооценку роли выпуска и труда во многих секторах сферы услуг (образование, здравоохранение) – см. Табл. 5.2, а также приводит к отраслевым диспропорциям в уровне производительности труда.

При текущей структуре относительных цен наибольший разрыв в уровне производительности соответствует секторам с наибольшим числом избыточно занятого населения, в первую очередь, это некоторые сектора сферы услуг.

В соответствии с долговременными международными тенденциями рост числа занятых в сфере услуг, в том числе за счет перераспределения занятых из сельского хозяйства (для России это 15,7% занятых), может продолжиться. Однако уже сейчас избыточным с точки зрения уровня занятости – в сравнении с развитыми странами – можно признать сектор розничной торговли (где трудятся 12,7% занятых) и образования (9,7%), и явно недостаточным – здравоохранения (7,2% занятых для РФ против более чем 12-13% в развитых странах) (табл. 5.4)

Таблица 5.4 – Отраслевая структура занятого населения по странам, 2014 г.

	Германия	Япония	США	Россия
ВСЕГО, в том числе	100%	100%	100%	100%
Сфера материального производства, в том числе	26,3%	25,8%	15,1%	39,9%
Сельское и лесное хозяйство, охота и рыболовство	0,9%	1,6%	1,0%	15,7%
Добывающая промышленность	0,2%	0,1%	0,5%	1,7%
Обрабатывающая промышленность, в том числе	18,9%	16,9%	8,7%	13,5%

Производство машин и оборудования	2,9%	1,6%	0,8%	2,2%
Обеспечение электрической энергией, газом, паром; кондиционирование воздуха, водоснабжение; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений	1,3%	0,7%	0,6%	2,3%
Строительство	5,0%	6,6%	4,3%	6,7%
Сфера услуг, в том числе	73,7%	74,2%	84,9%	60,1%
Оптовая торговля и ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	6,4%	6,8%	5,8%	4,9%
Розничная торговля	7,4%	9,9%	9,3%	12,7%
Транспорт наземный	2,1%	4,2%	1,5%	4,6%
Деятельность административная и сопутствующие услуги	7,2%	0,7%	7,9%	4,6%
Государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное обеспечение	6,6%	6,3%	16,6%	6,4%
Образование	5,8%	3,7%	2,3%	9,7%
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	12,6%	13,5%	12,5%	7,2%
Прочие услуги	25,6%	29,1%	28,9%	10,1%

Источник: база данных WIOD, расчеты автора.

Сложившаяся структура производства и занятости ограничивает рост производительности труда не только в сфере услуг, но и в реальном секторе. Например, в сельском хозяйстве занята относительно большая часть населения, чем в развитых странах, таким образом, первым претендентом на сокращение занятости и рост производительности труда можно считать этот сектор экономики.

Доля занятых в остальных видах деятельности реального сектора примерно соответствует уровню развитых стран, однако внутри отраслей процесс организации производства и разделения труда до сих пор недостаточно эффективен. В большинстве видов деятельности не реализован потенциал разделения и организации труда. Достаточно сказать, что доля населения, занятого низкоквалифицированным и низко оплачиваемым трудом, в России составляет около 25%. В определенной степени

малоквалифицированную рабочую силу можно считать «массовым» ресурсом, то есть дешевым, доступным, но дающим низкую отдачу. Низкая механизация (автоматизация) труда, недостаточно эффективная организационная составляющая производственного процесса, архаичная структура распределения труда и производства приводит к ограничениям роста производительности труда.

В таблице 5.5 приведен анализ структурных составляющих показателей эффективности использования труда, который позволяет обнаружить дополнительные резервы роста производительности труда и понять значимость количественного увеличения производства.

Таблица 5.5. Динамика численности занятых и производительности труда в отдельных секторах экономики России в 2009-2017 гг.

	Доля в суммарной величине занятых, %	Среднегодовой темп прироста пр. труда, 2009-2017 гг., %	Пр. труда в 2017 г. (тыс.руб./чел)	Пр. труда, % от средней по экономике
Быстрый рост производительности труда*				
Сельское и лесное хозяйство, охота и рыболовство	7,8	4,98	898,91	71
Добыча угля	0,2	6,48	4142,96	330
Пищевая промышленность	2,5	2,95	2540,55	202
Текстильное и швейное производство	0,8	2,13	630,45	50
Обработка древесины и производство изделий из дерева	0,5	2,56	1257,26	100
Химическое производство	0,6	7,21	4366,25	347
Фармацевтика	0,1	7,81	2861,72	228
Производство резиновых и пластиковых изделий	0,5	4,87	2372,85	189
Производство транспортных средств и оборудования	0,5	9,97	4393,14	349
Производство железнодорожного транспорта и транспортного оборудования	0,5	6,67	1620,45	129
Финансы и страхование	1,9	2,61	2433,03	194

Медленный рост производительности труда				
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	2,8	-0,80	2080,66	165
Строительство	8,8	-1,37	887,89	71
Оптовая и розничная торговля, ремонт	18,4	-1,24	901,10	72
Гостиницы и рестораны	2,1	-1,60	583,36	46
Транспортировка и хранение	6,7	0,27	1335,43	106
Другие предпринимательские услуги	4,5	-0,67	905,62	72
Государственное управление, оборона и обязательное социальное страхование	5,3	1,04	1351,38	107
Образование	8,0	-0,05	284,92	23
Здравоохранение	6,5	0,70	539,45	43
Другие общественные, социальные и частные услуги	4,4	-1,87	422,01	34
Производство металлических продуктов, за исключением машин и оборудования	1,0	0,76	944,96	75
Производство машин и оборудования	1,7	-2,37	887,72	71
ВСЕГО		0,78	1257,25	100

*- опережающий среднероссийскую динамику.

Источник: Росстат, расчеты автора.

Резервы роста производительности труда связаны, как правило, с устранением избыточной (или неэффективной) занятости работников. По данным Росстата, величина неполностью занятых работников на предприятиях (по всем исследуемым статистикой видам) в 2017 г. составляла для отдельных секторов экономики от 7% до 28%. Однако по нашим оценкам, полученным с учетом динамики действительных затрат труда, зависящей от технологических возможностей отраслей, величина неэффективно занятых работников существенно выше: в целом по экономике - 34% от среднегодовой численности занятых в 2017 г.

В условиях нарастающих ограничений по трудовым ресурсам такая доля неэффективной занятости представляется чрезмерной. Понятно, что затраты

труда со временем будут оптимизированы, следовательно, нет альтернативы сценарию внедрения трудосберегающих технологий и других, более гибких, схем занятости. Этот процесс неизбежно потребует увеличения квалификации работников – способности налаживать и управлять автоматизированным производственным процессом, контролировать работу машин, управляющих механизмами. Такое разделение труда значительно оптимизирует численность занятых на производстве и издержки на труд, повышает автоматизацию производства и производительность труда, а, следовательно, и уровень заработной платы.

При этом, мы полагаем, что в долгосрочной перспективе автоматизация и внедрение инноваций (технологический прогресс) вряд ли станут фактором снижения занятости. По оценкам Р.И. Капелюшникова²⁶ гораздо в большей степени новые технологии повлияют на структуру занятости (на набор задач, решаемых в рамках каждой профессии), чем на ее уровень. Рост технологической безработицы представляется маловероятным также в силу низких (и замедляющихся) темпов технологического развития и нарастающих ограничений по труду.

²⁶ Капелюшников Р.И. Технологический прогресс – пожиратель рабочих мест? Вопросы экономики 2017 №11 с 111-140.

6. Гарантированные выплаты населению как инструмент социальной политики

Вопросы социальной политики в последние годы находились и сохраняются в центре общественного внимания. Объявленные в Послании Президента Российской Федерации Федеральному собранию в январе 2020 г. меры социальной поддержки населения, в первую очередь семей с детьми, были призваны не только расширить покрытие существующих программ, как это было с материнским капиталом, но и дополнить их новыми пособиями.

Введённые из эпидемиологических соображений ограничения обострили существующие проблемы уровня и качества жизни граждан, и продемонстрировали несовершенство существующей адресной системы поддержки населения. Например, в первые месяцы жестких ограничений, сотням тысячам граждан, по тем или иным причинам, было отказано в получении пособия по безработице²⁷.

Значимой поддержкой для миллионов семей стали единовременные выплаты на детей в возрасте до 16 лет включительно. Однако, чувство удовлетворения и ощущение заботы со стороны государства люди испытали только после того, как обещанные средства поступили на счет. Это нашло свое отражение даже в рейтинге доверия Президенту, который, по данным ВЦИОМ, стал увеличиваться, начиная с мая 2020 г.

Такого рода выплаты не предполагали проверки нуждаемости при назначении, а значит они могут быть отнесены, хоть и с оговорками, к концепции безусловного базового дохода (ББД), который в классическом понимании представляет собой денежные выплаты от государства всем гражданам вне зависимости от каких бы то ни было обстоятельств и условий.

Несмотря на то, что эксперименты с ББД проводились в разное время, в разных странах и с разными по составу выборками, результаты оказались

²⁷ Гость Татьяна Голикова. Познер. Выпуск от 28.12.2020. Электронный ресурс: <https://www.1tv.ru/shows/pozner/vypuski/gost-tatyana-golikova-pozner-vypusk-ot-28-12-2020>

достаточно схожими. На уровне полной занятости подобные выплаты практически не сказывались (он либо не снижался вовсе, либо снижался незначительно)²⁸, однако частичная занятость увеличивалась²⁹. Снижение предложения труда происходило среди одиноких женщин с детьми, которые предпочитали потратить немного больше времени на общение с детьми, а также среди недавних студентов, которые хотели получить дополнительные знания перед выходом на рынок труда.

Ни в одном эксперименте не было зафиксировано увеличения расходов на алкоголь или табак – их потребление либо снижалось, либо оставалось на прежнем уровне³⁰. Дополнительные средства люди расходовали на текущее потребление и на товары длительного пользования³¹.

Безусловные трансферты положительно влияли на физиологическое и психологическое здоровье людей: снижалось число обращений за предоставлением медицинской помощи³², количество заболевших³³, падал уровень стресса среди получателей выплат³⁴, а дети рождались более здоровыми³⁵.

Безусловные трансферты также способствовали повышению эффективности существующих расходов на образование. Дети из семей,

²⁸ Karl Widerquist, (2005), A failure to communicate: what (if anything) can we learn from the negative income tax experiments?, The Journal of Socio-Economics, Volume 34, Issue 1, 2005, Pages 49-81, ISSN 1053-5357

²⁹ Jones D., Marinescu I. (2018). The Labor Market Impacts of Universal and Permanent Cash Transfers: Evidence from the Alaska Permanent Fund. NBER Working Paper, 24312.

³⁰ Evans D., Popova A. (2014). Cash transfers and temptation goods; A review of global evidence. World Bank Policy Research Working Paper, 6886.

³¹ Haushofer J., Shapiro J. (2013). Household response to income changes: evidence from an unconditional cash transfer program in Kenya. Working paper.

³² Arya A. et al. (2014). A little more, how much it is... Piloting basic income transfers in Madhya Pradesh, India.

³³ Forget, E.L. (2011). The Town with no Poverty: Using Health Administration Data to Revisit Outcomes of a Canadian Guaranteed Annual Income Field Experiment, Canadian Public Policy 37 (3):283-305.

³⁴ Kirchner L. et al. (2019). Report on the preliminary results of the B-MINCOME project (2017-18). Combining a guaranteed minimum income and active social policies in deprived urban areas of Barcelona.

³⁵ Chung W., Ha H. & Kim B. (2016) «Money Transfer and Birth Weight: Evidence from the Alaska Permanent Fund Dividend» Econ Inq 54: 576-590. doi:10.1111/ecin.12235

которые получали безусловные выплаты, реже пропускали уроки³⁶, лучше усваивали материал, а также чаще продолжали учиться в старших классах.

Благодаря третьему антикризисному пакету, Россия оказалась в числе стран, где был проведен квази-эксперимент с прямыми выплатами. Наиболее важным его результатом является то, что в сложной ситуации, возникшей из-за пандемии, государство оказалось способно быстро и без лишних проволочек помочь в трудную минуту семьям с детьми.

В отличие от классических экспериментов с ББД, где данные о расходовании средств получатели выплат сообщают интервьюерам, в российском квази-эксперименте подобные данные систематически не собирались. Тем не менее, по выборочным (отрывочным) статистическим данным, собираемым коммерческими компаниями, можно определить, на что эти средства были потрачены.

Согласно данным «Сбербанка», в первые дни июня и июля 2020 г. заметно вырос спрос в сегментах «Одежда, обувь и аксессуары», «Бытовая техника и электроника», «Мебель и предметы интерьера», «Хобби и увлечения» (рис. 6.1). Более умеренный рост наблюдался в сегменте «Товары для строительства и ремонта», а в секторе «Продуктовые магазины» небольшое увеличение спроса отмечен только после второй выплаты. При этом, увеличения расходов в сегменте «Винные магазины» не произошло.

³⁶ Haarmann C. et al. (2019). Making the difference! The BIG in Namibia; Basic Income Grant pilot project assessment report.

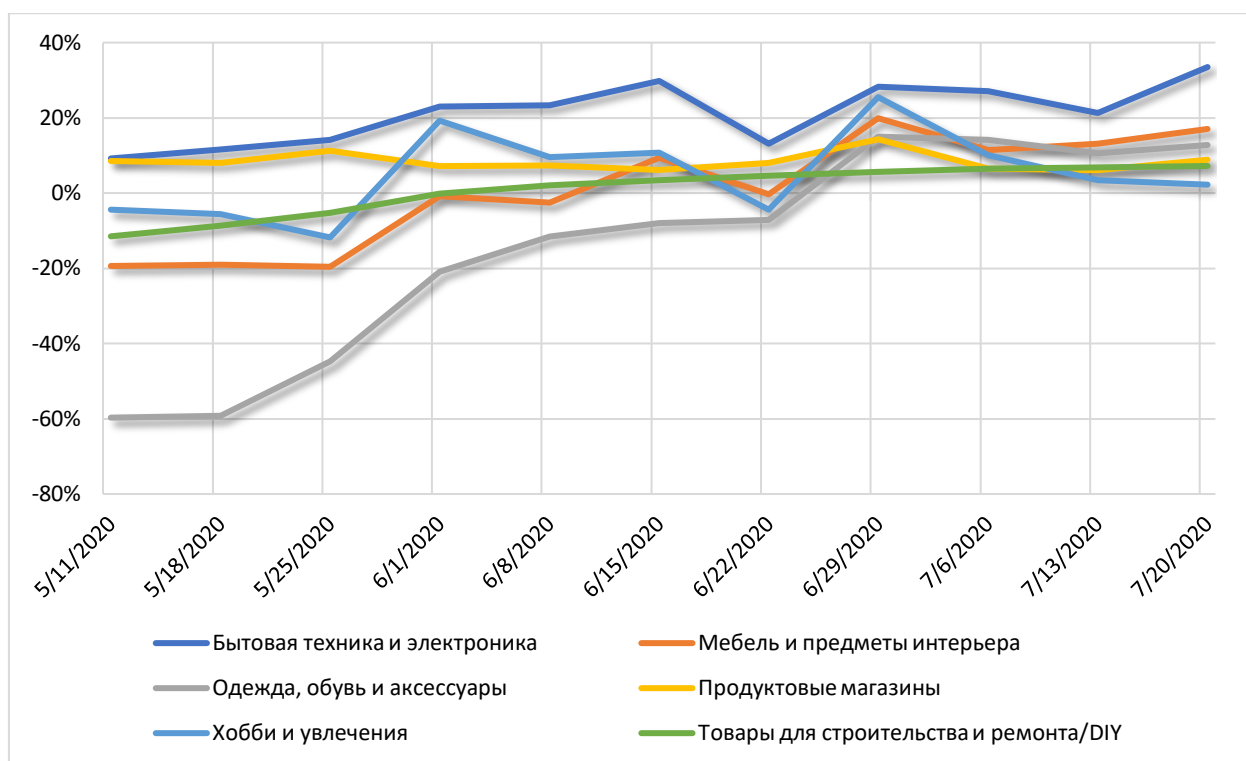

Рисунок 6.1. Динамика спроса на отдельные категории товаров, % по отношению к аналогичному периоду прошлого года

Источник: Сбериндекс

Более подробные данные, о расходовании «детских» выплат в июне городскими жителями страны, опубликованы компанией «Ромир»³⁷. Те семьи, которые испытывали финансовые проблемы с покрытием текущих расходов, потратили деньги на продукты. Оставшиеся семьи направили средства на покупку товаров для детей. Существенный рост спроса был зафиксирован в категориях «Спортивные товары», «Детская мебель», «Игрушки», «Музыкальные инструменты», «Аксессуары для компьютеров и гаджетов», «Велосипеды и аксессуары для них». Дополнительные расходы в этих категориях полностью соответствовали полученным суммам.

Так как выборка «Ромира» не включает сельских жителей, а «Сбербанк» зафиксировал рост расходов в сегменте «Товары для строительства и

³⁷ Электронный ресурс: <https://romir.ru/studies/subsidii-ot-gosudarstva-rossiyane-potratili-na-podarki-detyam>

ремонта», можно сделать вывод, что именно сельские жители частично потратили выплаты на ремонт собственных домов.

Вместе с тем, часть средств люди направили на погашение долгов. В частности, некоторые микрофинансовые организации зафиксировали резкий рост платежей в первые дни, после перечисления социальных выплат населению³⁸. Схожей картины можно было ожидать и с банковской кредитной задолженностью, а также с долгами по ЖКХ.

Таким образом, каждая отдельная семья самостоятельно определила, на решение какой насущной проблемы потратить деньги. При этом, средства попадали на конкурентные рынки, а, значит, спрос увеличивался только на ту продукцию, которая соответствовала требованиям к качеству со стороны потребителей. Более того, выплаты получили около 90% бедных семей, чем может похвастаться не каждая адресная мера поддержки нуждающихся. Поэтому подобные выплаты можно считать эффективными не только с точки зрения поддержания уровня жизни населения, но и с точки зрения поддержки различных отраслей отечественной экономики, так как большая часть средств была потрачена на товары отечественного производства.

Тем не менее, на наш взгляд, было бы целесообразно направить выплаты не только детям младше трудоспособного возраста, но всем детям до 18 лет. Понятие «совершеннолетие» в общественном сознании является той отметкой, достигнув которую человек из ребенка превращается во взрослого. Большинство 16-17-летних подростков, несмотря на то что у них появляется право официально работать, продолжают получать содержание от родителей.

Несмотря на это, общий эффект от выплат, с социальной точки зрения, оказался положительным. Уровень напряженности в обществе заметно снизился, что было особенно важно накануне голосования по поправкам в Конституцию России. При этом сами выплаты в момент их объявления были

³⁸ Электронный ресурс: <https://www.rbc.ru/finances/30/07/2020/5f1d61749a79473d03326e88>

увязаны с указанными поправками, в соответствии с одной из которых дети признаются «важнейшим приоритетом государственной политики России»³⁹.

Удовлетворить запрос на ощутимые для населения реформы можно посредством поэтапного введения ББД сначала для семей с детьми, а затем, при необходимости и возможности, полноценного ББД для всех граждан. Этапы введения семейного базового дохода могут быть следующие:

- I этап – 1/2 прожиточного минимума в месяц, установленного в регионе регистрации, на каждого ребенка в возрасте до 18 лет;
- II этап – 1/2 прожиточного минимума в месяц, установленного в регионе регистрации, на каждую женщину, у которой есть ребенок в возрасте до 18 лет;
- III этап – 1/2 прожиточного минимума в месяц, установленного в регионе регистрации, на каждого мужчину, у которого есть ребенок в возрасте до 18 лет.

Средний размер выплат на ребенка в 2019 г., используя старую методологию расчета прожиточного минимума, составил бы 5 627 руб., а на родителя – 6 184 руб.

Для оценки макроэкономических последствий реализации данных этапов, была использована динамическая модель межотраслевого баланса с эндогенными векторами расходов на конечное потребление домашних хозяйств и государства, частных и государственных инвестиций, и, частично, импорта. Технологические коэффициенты модели были рассчитаны на основании симметричной таблицы затраты-выпуск за 2016 г., опубликованной Росстатом.

С целью более точного воспроизведения реакции потребительского спроса на изменение распределения доходов, сектор домашних хозяйств был разбит на децильные группы. Для каждой децильной группы была рассчитана

³⁹ Конституция Российской Федерации, ст.67.1 п.4

доля расходов на конечное потребление в располагаемых денежных доходах (рис. 6.2).

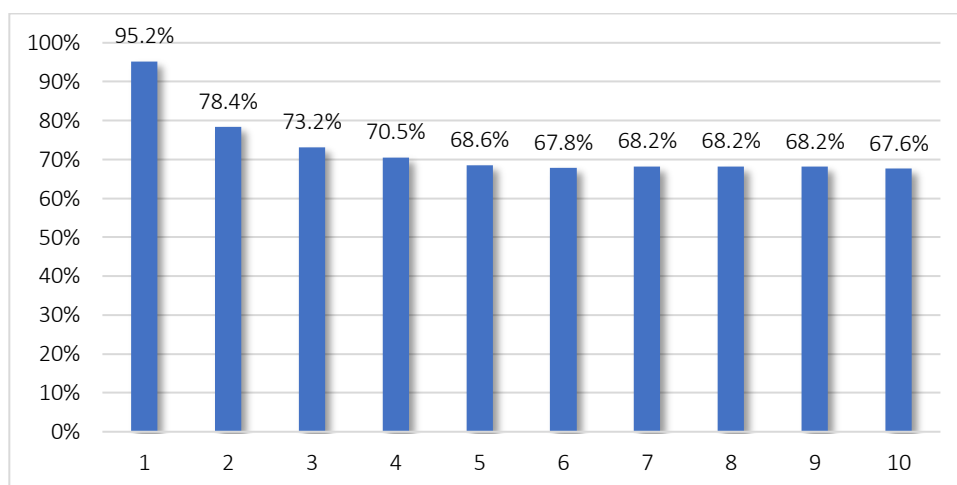

Рисунок 6.2. Средняя доля потребительских расходов в денежных доходах населения в 2013-2018 гг.

Источник: расчеты ИНИП РАН по данным Росстата

Из-за отсутствия данных о доле расходов на импортную продукцию в совокупных расходах домашних хозяйств на конечное потребление по децильным группам была использована предпосылка об экспоненциальном распределении этой доли.

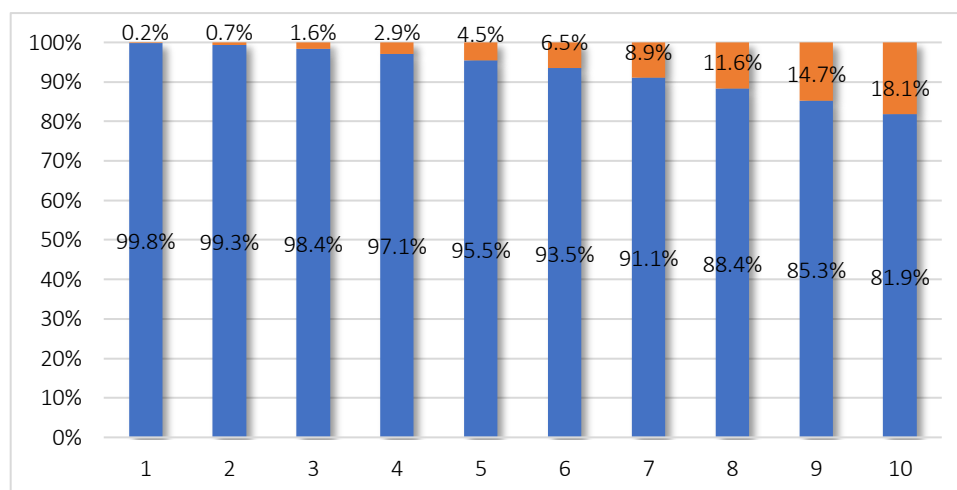

Рисунок 6.3. Предполагаемая доля денежных расходов на отечественную (синий цвет) и импортную продукцию (оранжевый цвет) в расходах на конечное потребление домашних хозяйств

Источник: расчеты ИНП РАН

Распределение детей среди децильных групп домашних хозяйств было получено в результате расчетов, сделанных на основании данных Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах Росстата. Также, была использована предпосылка о том, что дети из каждой децильной группы одинаково распределены по всем регионам России. Это позволило распределить общий объем выплат на детей в соответствии с распределением детей по децильным группам.

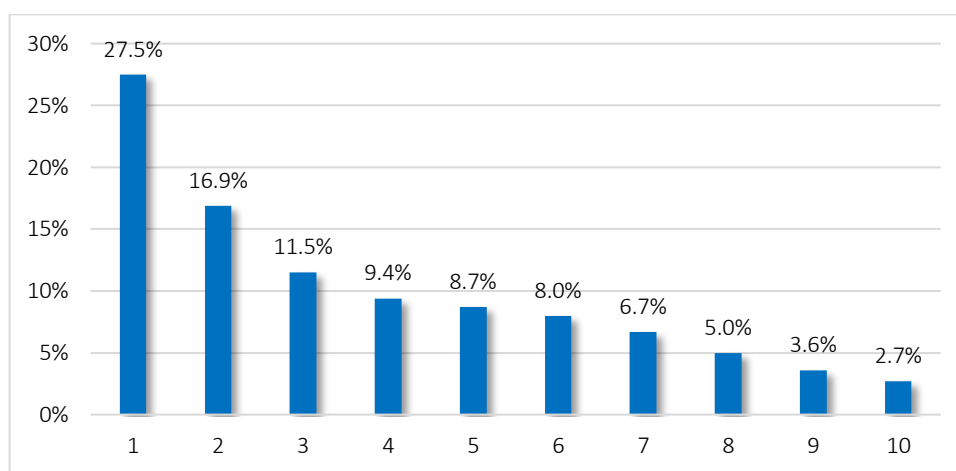

Рисунок 6.4. Распределение детей по децильным группам в 2016 г., % от численности всех детей в возрасте до 18 лет

Источник: расчеты ИНП РАН по данным Росстата

Распределение матерей и отцов по децильным группам было рассчитано, также, на основании данных Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах Росстата. Предполагалось, что их общее число равно друг другу, а распределены между регионами они также, как и дети.

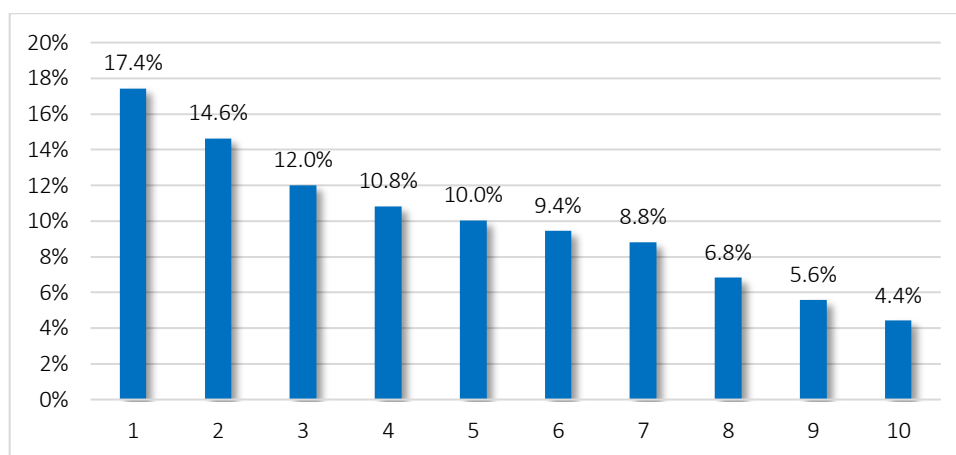

Рисунок 6.5. Распределение родителей по децильным группам в 2016 г., % от численности всех родителей

Источник: расчеты ИНП РАН по данным Росстата

Установление связи между элементами добавленной стоимости и конечного спроса осуществлялось в соответствии с соотношением ключевых показателей институциональных счетов Системы национальных счетов за 2016 год.

На рис. 6.6 представлен прогноз дополнительных темпов прироста реального ВВП в 2024-2032 гг., полученных в результате моделирования. В начале реализации каждого трехлетнего этапа, основным драйвером роста выступает потребление домашних хозяйств. Затем, в результате увеличения налоговых поступлений и прибыли компаний, импульс распространяется через канал инвестиций и государственного потребления, увеличивая темпы роста экономики.

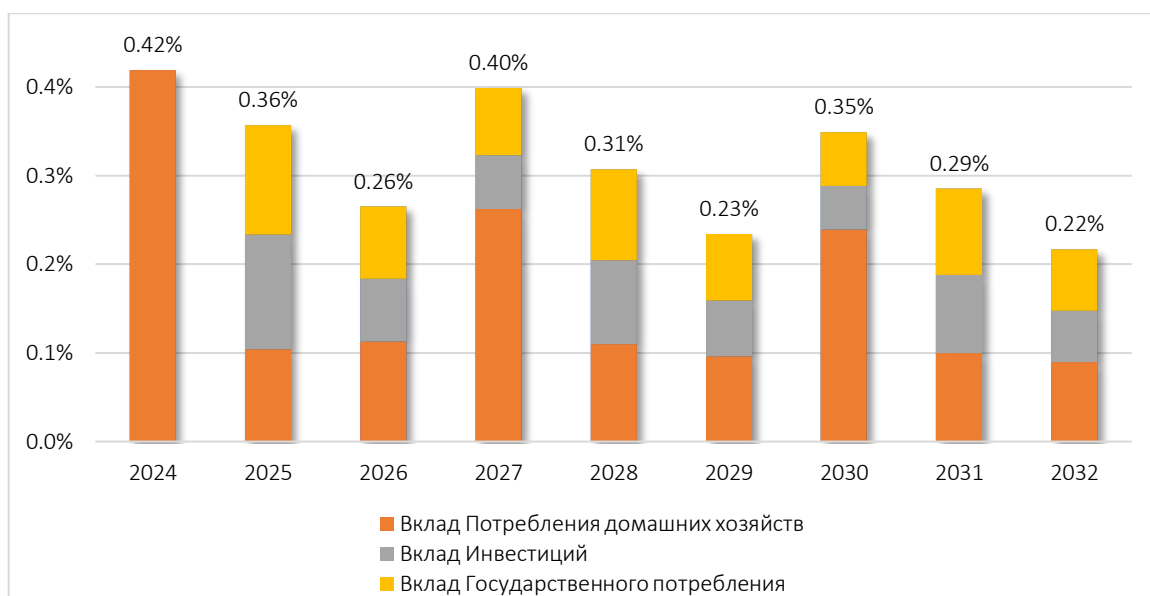

Рисунок 6.6. Прогноз дополнительных темпов прироста реального ВВП в результате поэтапного введения ББД для семей с детьми

Источник: расчеты ИНИ РАН

Для определения динамики уровня бедности первые две децильные группы домохозяйств были дополнительно разбиты на однопроцентные группы. Далее, для каждой такой группы был определен дефицит денежного дохода и рассчитан вклад в общий уровень бедности, в соответствии с долей семей с детьми среди бедных. С начала реализации третьего этапа введения ББД для семей с детьми, уровень бедности опускается ниже целевого показателя в 6,45%, фигурирующего в Указе Президента «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»⁴⁰ (рис. 6.7).

⁴⁰ Электронный ресурс: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726>

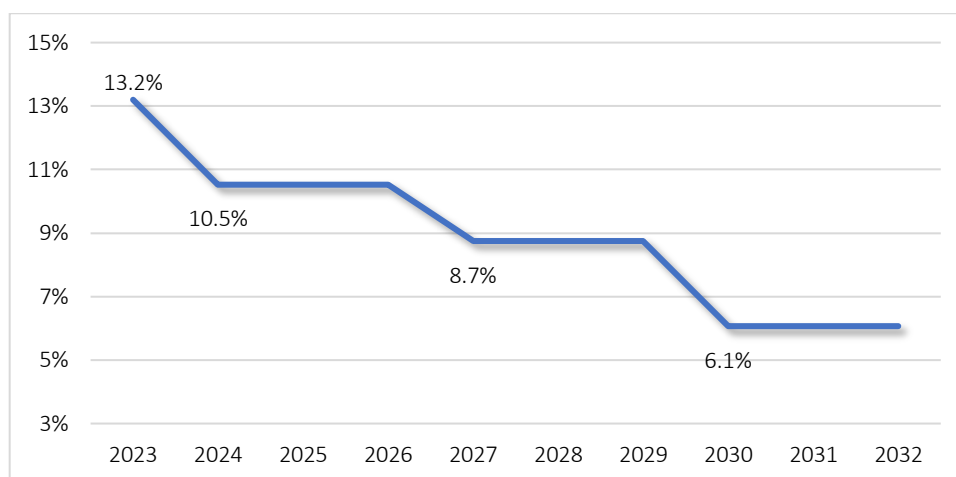

Рисунок 6.7. Динамика уровня бедности, % от численности населения

Источник: расчеты ИПП РАН

При расчетах в качестве источника финансирования рассматривался налог на богатство, а также сокращение расходов на другие социальные программы. Первый этап введения семейного ББД, предполагающий выплаты на детей, финансировался только за счет налога на богатство. В рамках последующих этапов, треть расходов финансировалась за счет сокращения расходов на другие социальные программы, а оставшиеся 2/3 – за счет налога на богатство.

Под налогом на богатство подразумевается налог, который уплачивается домохозяйствами, обладающими совокупными активами более 1 млрд руб. Объектом налогообложения выступают совокупные финансовые активы таких домохозяйств, относительно которых взимается налог по указанным в табл. 6.1 ставкам. Также, предусматривается дифференцированная ставка для тех, кто обладает совокупными активами от 1 млрд руб. до 5 млрд руб., и для тех, кто владеет активами, совокупной стоимостью более 5 млрд руб. Подобные диапазоны позволят взимать налог на богатство только с верхней децильной группы, а максимальная ставка применяется только к верхним 1-2% населения.

Расходы на реализацию каждого этапа, а также соответствующие им ставки налога, представлены в табл. 6.1.

Таблица 6.1

Объем расходов на реализацию этапов введения базового дохода и соответствующие ставки налога на богатство

Этапы введения ББД	Содержание этапа	Δ Расходов (млрд руб.)	Σ Расходов (млрд руб.)	Ставки налога на богатство (%)
I (2024-2026 гг.)	½ ПМ на каждого ребенка	2 040	2 040	1 и 2
II (2027-2029 гг.)	I этап + ½ ПМ на каждую мать	814,5 (+ 407 – от отмены программ)	3 262	1,5 и 2,5
III (2030 г. и далее)	II этап + ½ ПМ на каждого отца	814,5 (+ 407 – от отмены программ)	4 483	2 и 3

Источник: расчеты ИНИИ РАН по данным Росстата, ЦБ РФ и Credit Suisse

В рамках сокращения расходов на социальные программы, предусмотренного во II и III этапах, должны быть определены категории граждан, чей уровень социальной поддержки со стороны государства не должен уменьшаться. К таким категориям могут быть отнесены, например, инвалиды, дети-сироты, военные.

Аналогично, могут быть определены программы, по которым происходит замещение адресных выплат базовым доходом. Например, если гражданин получает базовый доход (на себя) и претендует на другую действующую льготу или пособие, то деньги по другой льготе или пособию выплачиваются только в том случае, если сумма превышает размер базового дохода и в той части, в которой он ее превышает. То есть, если мать получает 6 000 руб. на себя (после второго этапа) и подала документы на пособие по безработице, то из назначенного ей пособия в размере 8 000 руб. будет выплачено только 2 000 руб. При этом, «замещать» можно только один раз в месяц и только по одной социальной программе федерального или регионального уровня.

В дальнейшем социальные программы могут быть перестроены вокруг базового дохода таким образом, чтобы размер дополнительно получаемых средств составлял долю от базового дохода для той или иной группы. Например, ежемесячное пособие на содержание ребенка, оставшегося без попечительства, может составлять 1 базовый доход ребенка. Получается, что опекун будет получать 2 базовых дохода ребенка (первый по общим основаниям, второй по опекунству) или 1 прожиточный минимум, установленный в регионе, за усыновленного ребенка. Это позволит упростить администрирование всей системы социальной поддержки населения.

В долгосрочном периоде расходы на программу снижаются, так как на исторических данных видно, что отношение прожиточного минимума, рассчитанного по старой методологии, и ВВП, при росте экономики, снижается (рис. 6.8). Поэтому, рост расходов на программу может быть связан с:

- Ростом численности населения, соответствующим критериям получения выплат;
- Расширением покрытия программы на все большую долю населения, по мере реализации этапов;

- Увеличением значения медианной заработной платы.

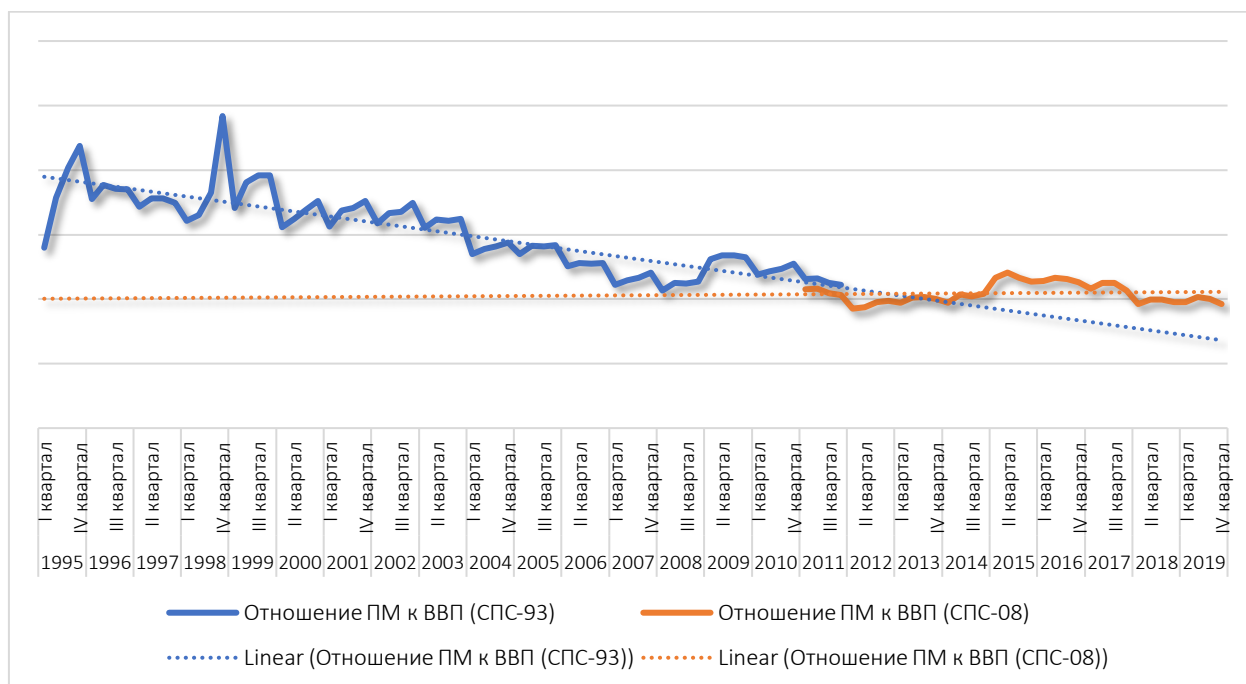

Рисунок 6.8. Отношение прожиточного минимума к ВВП

Источник: расчеты ИНП РАН по данным Росстата

Подобное поэтапное введение ББД для семей с детьми позволит снизить риски, связанные с мотивацией к труду и потенциальным сокращением объемов предложения рабочей силы. Размер выплат на первом этапе не может привести к заметному снижению занятости, так как ее размер составляет только половину прожиточного минимума при МРОТе равном одному прожиточному минимуму, и не приведут к резкому росту доходов граждан. В то же время, по мере реализации этапов количество рабочих мест и размер фонда оплаты труда будут расти, так как изменится объем и структура потребительского спроса. Это приведет к еще большему снижению соотношения выплат и трудового дохода, что положительно отразится на занятости.

В долгосрочной перспективе при наращивании автоматизации труда и высвобождении трудовых ресурсов, часть людей не только перейдет в сектор услуг, как это обычно бывает в странах с большим числом

высокотехнологичных производств, но и сможет заняться образованием и волонтерством. Со стороны государства для этого потребуются создавать соответствующую социальную среду, занимаясь не только просветительской деятельностью, но и поддерживая необходимую инфраструктуру, в том числе и цифровую.

Необходимо добавить, что поэтапное введение ББД снижает проинфляционные риски, вызванные изменением структуры спроса. Так как средства перераспределяются из верхней децильной группы в более низкие, изменяется объем спроса на рынках, обслуживающих разные группы потребителей в разных регионах. При поэтапной реализации программы структура спроса меняется не так быстро, что позволит предложению адаптироваться, нарастив объемы производства, а не увеличив цены.

С целью получения точных данных об изменении структуры потребительского спроса возможно проведение полноценного эксперимента с безусловными выплатами. В дальнейшем эти данные могут быть использованы для уточнения отраслевых политик, что позволит заранее простимулировать создание дополнительных производственных мощностей перед ростом потребительского спроса в рамках реализации вышеописанных этапов.

Реализация такого рода программы может стать прочной основой для нового общественного договора и фундаментом для долгого государства. Даже спустя четверть века итоги приватизации воспринимаются обществом как несправедливые. Полностью введенный ББД способен исправить эту ситуацию, так как грамотно проведенная народная приватизация 1990-х годов была бы эквивалентна базовому доходу за тем лишь исключением, что право собственности на активы можно наследовать, создавая неравенство в распределении приватизированной собственности, а базовый доход – нет.

Таким образом, в стране сложилась уникальная ситуация, когда в обозримом будущем можно решить такие хронические для современного российского общества проблемы, как бедность и неравенство доходов населения, низкий уровень общественного доверия к государственным институтам, а также отсутствие образа будущего, признаваемого большей частью народа.

7. Межрегиональная дифференциация показателей социального развития

Дифференциация уровней социального и экономического развития регионов относится к важнейшим характеристикам не только пространства, но состояния социально-экономической системы в целом. В качестве основного показателя для оценки межрегиональной дифференциации используется валовой региональный продукт на душу населения. В России разрыв между максимальным и минимальным показателями среднедушевого ВРП субъектов Российской Федерации составлял в 2018 году 61,7 раза (Ненецкий автономный округ и Республика Ингушетия), при учете межрегиональной дифференциации цен⁴¹ разрыв сокращается до 40,1 раза (Ненецкий автономный округ и Чеченская Республика). Для более крупных региональных систем – федеральных округов разрыв между максимальным и минимальным уровнями среднедушевого ВРП сокращается до 5,2 раз, а с учетом межрегиональной дифференциации цен до 5,1 раза.

Прямые сопоставления межрегиональных различий в России с другими странами не вполне корректны, поскольку используемые для сравнения территориально-административные единицы в разных странах выделены по разным принципам, тем не менее, приведем для иллюстрации некоторые показатели. В странах Европейского Союз, где выравнивание различий в уровнях экономического развития регионов является одним из основополагающих принципов региональной политики, различия среднедушевых показателей ВРП также существенны, причем выше они в восточно-европейских странах. В Германии разрыв между максимальным и минимальным показателями ВРП на душу населения в разрезе NUTS-2 составлял в 2018 году 2,3 раза, во Франции – 2,4 раза, в Италии – 2,8 раз, в

⁴¹ Для учета межрегиональной дифференциации цен использован показатель стоимости фиксированного набора товаров и услуг (ФНТУ). Стоимость ФНТУ в Чукотском автономном округе в 2019 г. превышала средний по РФ уровень в 1,74 раза, минимальное значение ФНТУ в Саратовской области – 82% от среднероссийского.

Великобритании – 3 раза, в Чехии – 3 раза, в Польше – 3,2 раза⁴². В Китае, в котором региональная политика основана на последовательном сокращении отставания экономики западных регионов от восточных, разрыв между максимальным и минимальным уровнями среднедушевого ВРП в 2018 году составлял 4,8 раз⁴³ (Пекин и провинция Ганьсу), т.е. примерно на уровне дифференциации федеральных округов РФ, при этом китайские провинции абсолютно несопоставимы по численности населения и размеру экономики с субъектами РФ (при населении в 1,4 млрд. человек страна административно разделена на 31 провинцию).

Во всех приведенных примерах (кроме Германии), основным фактором, определяющим степень межрегиональной дифференциации, является отрыв столичного региона, среднедушевой ВРП в котором превышает средний по стране показатель в 1,5-2 раза. Для России характерна другая ситуация, самый высокий среднедушевой ВРП отмечается в нефтегазодобывающих регионах, основных поставщиках углеводородного сырья на экспорт (Ненецкий, Ямало-Ненецкий автономные округа, ХМАО-Югра, Сахалинская область). В столице средние по стране показатели среднедушевого ВРП в 2018 году превышали среднероссийский уровень в 2,5 раз, при учете межрегиональной дифференциации цен – в 1,7 раз, что вполне сопоставимо с европейскими странами.

Сглаживание межрегиональных различий по большинству направлений социально-экономического развития заявлено в качестве целей региональной экономической политики не только в России, но и во всех странах, в которых государство предпринимает шаги по регулированию регионального развития. Чрезмерный уровень межрегиональной дифференциации имеет негативные последствия в экономической и социальной сфере. Экономические

⁴² Рассчитано по: База данных Евростата (Gross domestic product (GDP) at current market prices by NUTS 2 regions; https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-datasets/-/nama_10r_2gdp/ Population on 1 January by age, sex and NUTS 2 region; https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-datasets/-/DEMO_R_D2JAN/)

⁴³ China Statistical Year Book/ 2019. <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2019/indexeh.htm>

последствия чрезмерных разрывов в уровне развития регионов связаны с необходимостью перераспределения ограниченных ресурсов в пользу слабых регионов для поддержания в них условий для нормальной жизнедеятельности населения, выплату социальных пособий, поддержку региональных бюджетов и пр., и, соответственно, отвлечения ресурсов с более эффективных в экономическом плане направлений. Социальными последствиями чрезмерной межрегиональной дифференциации является потеря стимулов для развития регионов, нарастание социальной напряженности в обществе, которое приобретает политический характер.

Межрегиональные различия имеют объективный характер, они обусловлены множеством факторов, включая природно-климатические условия, исторические особенности развития регионов, сложившуюся структуру производства и расселения, т.е. устранить их невозможно, речь может идти только о сглаживании различий в случае, если они становятся «чрезмерными». Вместе с тем, определение «чрезмерного уровня» межрегиональных различий является субъективным⁴⁴, поскольку объективного критерия для определения «чрезмерного» либо «приемлемого» уровня межрегиональных различий нет. В таком случае оценивать процессы межрегиональной дифференциации можно только с точки зрения трендов в динамике соответствующих индикаторов, показывающих снижение, либо усиление межрегиональных различий.

В отличие от среднедушевого ВРП, в большей мере характеризующего экономику региона, более точным показателем экономического и социального

⁴⁴ В экономической теории нет обоснования неизбежности процессов конвергенции (либо дивергенции) уровней экономического развития стран или регионов. Долгосрочные тренды к конвергенции среднедушевых показателей ВВП, обоснованные в рамках неоклассических моделей, достигаются только при очень жестких условиях относительно возможных параметров развития стран и регионов, принятых в моделях. Более подробно см. Barro, R. J., Sala-i-Martin, X. *Economic Growth*. MIT Press, 2004. -654 р. Глущенко К.П. Методы анализа межрегионального неравенства по доходам // Регион: экономика и социология. 2010. № 1. С. 54-87. Глущенко К.П. Исследования неравенства по доходам между российскими регионами // Регион: экономика и социология. 2010. № 4. С. 88-119.

положения домохозяйств в регионах являются денежные доходы населения и их динамика.

Для инерционных региональных систем тренды межрегиональных различий могут быть выявлены только с точки зрения достаточно продолжительного периода, но в этом случае реальные возможности оценки динамики и масштабов межрегиональной дифференциации ограничены доступной статистической базой⁴⁵.

Показатели межрегиональной дифференциации денежных доходов населения за период 1995-2019 гг. учетом межрегиональной дифференциации цен рассчитаны по 79 регионам (Ненецкий автономный округ представлен в составе Архангельской области, Ямало-Ненецкий автономный округ и ХМАО-Югра в составе Тюменской области, Чеченская Республика из расчета исключена), расчеты для 2015-2019 годов проведены по всем 85 субъектам РФ (рис. X.1).

За период после 1995 года произошло снижение дифференциации среднедушевых доходов населения как с позиции соотношения между максимальным и минимальным уровнями дохода, так и с позиции вариативности среднедушевых доходов. Изменение состава регионов (включение в расчет с 2015 года автономных округов, Республики Крым, Севастополя и Чеченской Республики) увеличило разрыв между максимальным и минимальным уровнями дохода, показатели дифференциации для всех 85 регионов оказались примерно на уровне 2008-2010 годов для 79 регионов. В отличие от распределения регионов по среднедушевому производству ВРП, где выделение автономных округов значительно увеличивает разрыв максимальных и минимальных показателей, для доходов населения этот фактор не играет существенной роли.

⁴⁵ Статистика среднедушевых денежных доходов населения по субъектам Российской Федерации, исключая автономные округа, которые входили в состав отдельных субъектов РФ, публикуется с 1995 года, по автономным округам – с 1997 года. Межрегиональные соотношения номинальных показателей денежных доходов населения находятся под сильным влиянием различий в уровнях цен в разных регионах. Наиболее приемлемым для учета межрегиональной дифференциации цен, является показатель стоимости фиксированного набора товаров и услуг (ФНТУ), который публикуется с 2000 года. В период до 2000 года для учета межрегиональной дифференциации цен использовался показатель прожиточного минимума.

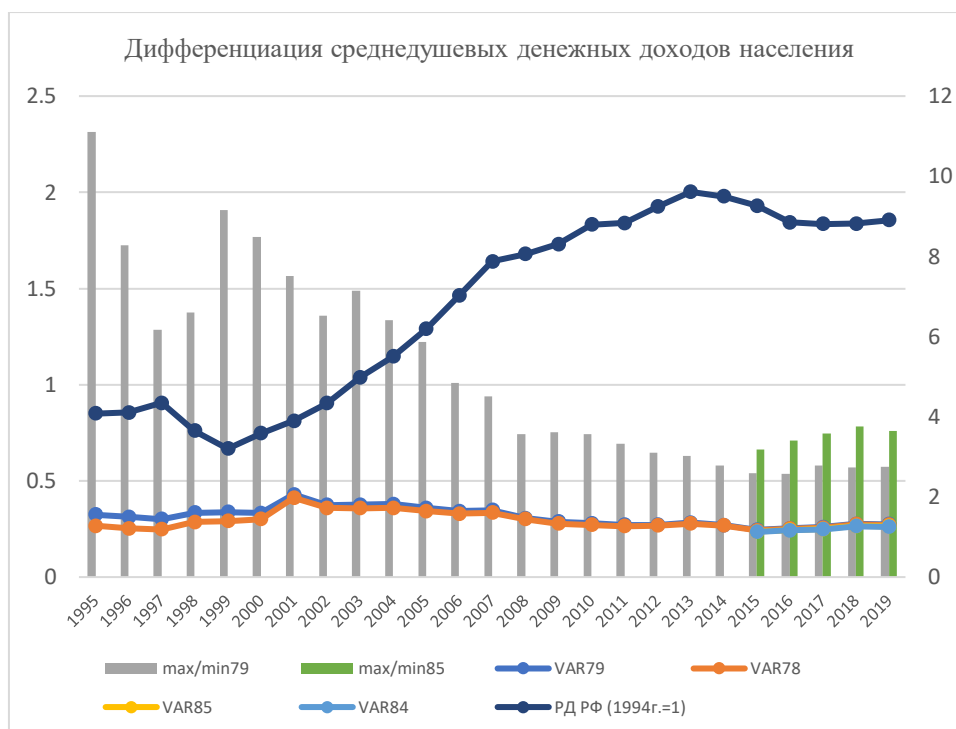

Рисунок X.1 – Показатели межрегиональной дифференциации среднедушевых доходов населения: max/min – отношение максимального показателя к минимальному (разы, соответственно для 79 и 85 регионов, правая ось), var79 – коэффициент вариации для 79 регионов, var78 - коэффициент вариации при исключении из расчета по 79 регионам Москвы; var85 – коэффициент вариации для 85 регионов, var 84 - коэффициент вариации при исключении из расчета по 85 регионам Москвы, РД РФ – рост реальных доходов населения РФ (в размах).

Разрыв максимальных и минимальных среднедушевых доходов сократился с 11,1 раза в 1995 году до 2,7 раз в 2018 году. Коэффициент вариации снизился с 0,324 в 1995 году до 0,274 в 2019 году. Рост вариации среднедушевых доходов отмечался до 2001 года, когда разрыв в доходах населения между регионами составлял 7,5 раз. После 2003 года вплоть до 2015 года разрыв в доходах сокращался, хотя в отдельные годы (2004, 2007, 2013) происходил небольшой рост коэффициента вариации. После 2015 года на фоне падения реальных доходов населения дифференциация усилилась.

Важнейшим фактором, определявшим региональные различия среднедушевых доходов, являлся «московский фактор». В 1995 году денежные доходы (с учетом их корректировки на разницу в ценах) в Москве превышали средний по стране уровень в 3,3 раза, максимальный разрыв был отмечен в 1999 году – 3,6 раза, далее разрыв постепенно снижался, в 2019 году он составил 2,1 раза в номинальном выражении и 1,5 раза с учетом разницы в

ценах. Влияние «московского фактора» исчерпало себя после 2007 года, когда исключение Москвы при расчете вариации среднедушевых доходов перестало влиять на величину показателей дифференциации.

Тенденция к сокращению различий среднедушевых доходов наблюдалась с 2001 года на фоне быстрого роста реальных доходов населения. После кризиса 2009 года, несмотря на продолжающийся рост доходов населения, показатели дифференциации оставались почти неизменными. После 2013 года на фоне кардинального изменения условий развития российской экономики в целом и падения реальных доходов населения дифференциация среднедушевых доходов незначительно, тем не менее, усиливается. Формально причиной усиления дифференциации является включение в расчет после 2015 года всех 85 субъектов федерации, отличающихся как высоким уровнем доходов (автономные округа), так и низким уровнем (Чеченская Республика, Крым и Севастополь), однако увеличение показателей дифференциации произошло и для сопоставимого набора регионов.

Показатели межрегиональной дифференциации денежных доходов населения тесно связаны с их динамикой. Дифференциация доходов, как правило, усиливается при снижении либо стагнации доходов и сокращается при их росте, т.е. экономический рост является условием снижения дифференциации доходов населения, при этом доходы растут в большинстве регионов. Тенденции межрегиональных соотношений доходов населения в этом отношении отличаются от трендов, характерных для динамики среднедушевых показателей ВРП. Межрегиональная дифференциация ВРП, как правило, усиливается в условиях благоприятной экономической конъюнктуры и снижается при замедлении темпов общеэкономического роста, т.е. сокращение межрегиональных различий происходит за счет ухудшения положения богатых регионов, а не подтягивания бедных к уровню богатых.

Распределение регионов по величине среднедушевых доходов отличается высокой степенью асимметричности, которая возникает в результате отрыва

небольшого числа регионов с высокими показателями доходов от основной массы регионов. В 2015 году среднедушевые доходы в номинальном выражении превышали средний по стране показатель в 19 субъектах РФ из 85, при учете межрегиональной дифференциации цен регионов с доходами выше среднероссийских оказалось 18. В 2019 году среднедушевые номинальные доходы были выше среднероссийских в 18 регионах, а при учете ФНТУ только в 15. Распределение регионов по децильным группам в зависимости от отношения дохода в регионе к среднему по РФ показывает, что основная часть регионов концентрируется в трех первых децилях с наиболее низкими доходами (рис. X.2), в 2019 году после корректировки денежных доходов на ФНТУ в 3 первых децилях оказались 66 субъектов РФ, при рассмотрении номинальных доходов таких регионов 70.

В первую группу с минимальным уровнем доходов вошли 12 субъектов РФ, преимущественно это национально-административные образования Сибири, Северного Кавказа, Юга, Приволжья, Дальнего Востока. Средний уровень доходов в целом по группе составляет $\frac{2}{3}$ от среднероссийского, средняя заработная плата – $\frac{3}{4}$ от средней по стране, размер пенсий и социальных выплат отличается в меньшей степени, тем не менее они ниже, чем в других группах (таблица X.2). Особенность данной группы – низкая доля в совокупном доходе оплаты труда, которая составляет 49,7% и высокая доля социальных выплат – 26,8%, при том, что в отдельных регионах среднедушевые социальные выплаты выше средних по стране. Для данной группы характерна самая высокая по сравнению с другими группами доля доходов от предпринимательской деятельности в суммарных доходах – 8,2%. В регионах первой группы проживает 5,2% населения и 4,4% занятых в экономике, однако за счет значительного отрыва от средних по стране доходов вклад первой группы в суммарный показатель вариации составляет около 30%.

Вторая группа с низкими среднедушевыми доходами объединяет 24 региона, в которых среднедушевые доходы находятся в интервале 68-82% от среднероссийских. Для большинства регионов данной группы характерен

средний либо ниже среднего душевой показатель ВРП, вместе с тем в данную доходную группу вошло несколько регионов с высокой долей в структуре производства добычи полезных ископаемых (Кемеровская, Иркутская, Оренбургская области, Забайкальский край), в которых относительно высокая заработная плата в добыче полезных ископаемых не обеспечивает высокого уровня доходов населения региона в целом. Положительным фактором формирования доходов в регионах данной группы являются пенсии, средний размер которых выше среднего по стране, при том, что в регионах данной группы проживает четверть всех российских пенсионеров. Попадание региона во вторую децильную группу обусловлено в значительной мере низкими заработными платами. Средняя заработная плата в регионах данной группы составляет 83% от среднероссийской, здесь занято 21,7% от общей численности занятых, однако доля регионов этой группы в суммарной начисленной заработной плате составляет лишь 18%.

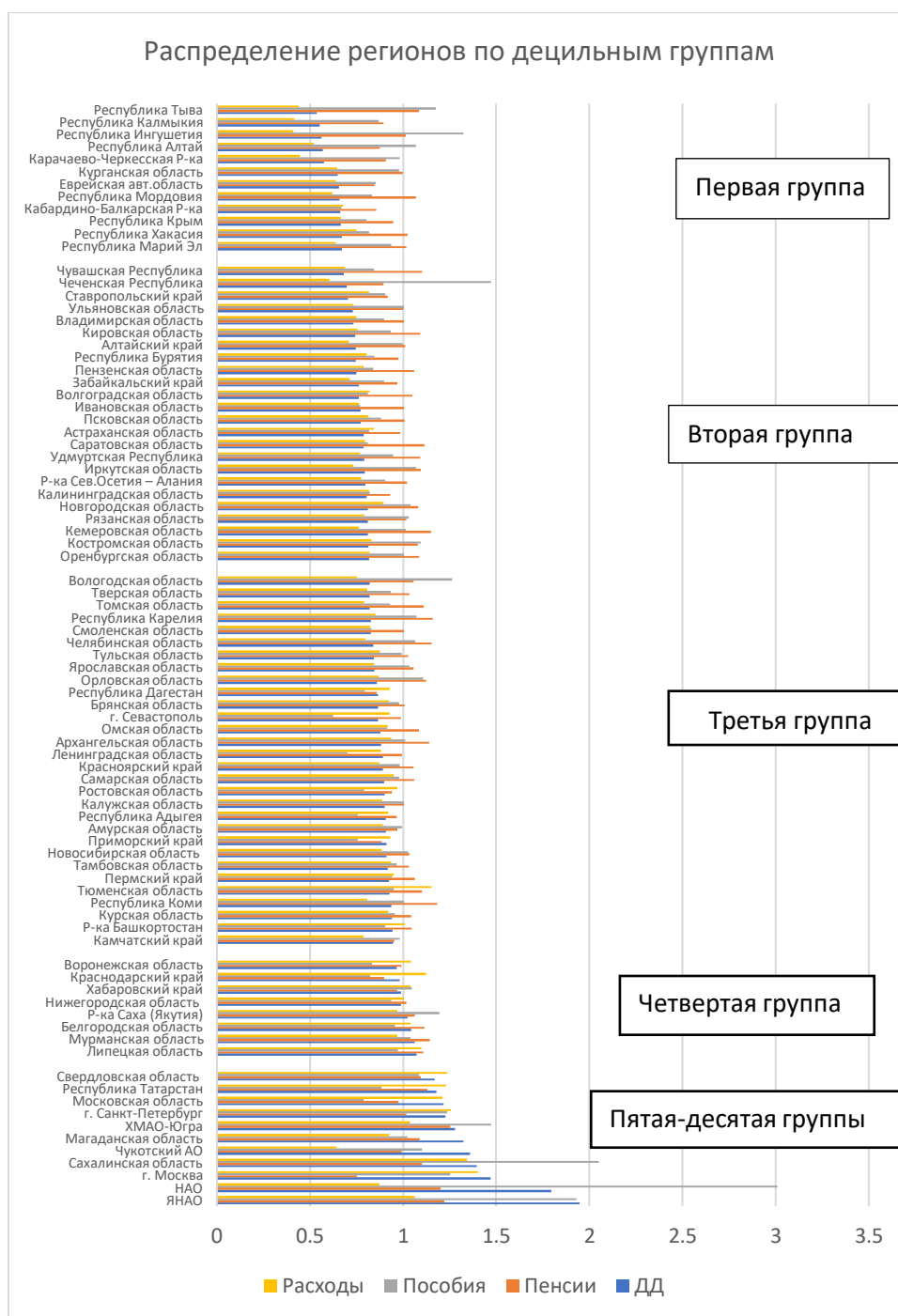

Рис. X.2 Отношение среднедушевых денежных доходов (ДД), социальных пособий (пособия), потребительских расходов и среднего размера пенсий с учетом ФНТУ к среднему по РФ (РФ=1)

В третьей децильной группе доходы населения также ниже среднероссийских, в данной группе находится более трети всех российских регионов. Как и в предыдущем случае, средний размер пенсии превышает среднероссийский уровень, в регионах данной группы проживает 35,2% всех пенсионеров, это выше, чем доля регионов в численности населения. Доля оплаты труда в суммарных доходах такая же, как и в предыдущей группе – 51,6%, при этом средняя заработная плата ниже среднероссийской, в регионах данной

группы занято 32,2% от общей численности занятых, тогда как доля в суммарной начисленной заработной плате составляет лишь 29%. На долю регионов данной группы приходится 33,8% совокупных доходов от предпринимательской деятельности.

Таблица Х.1

Распределение региональных показателей по децильным группам в зависимости от отношения среднедушевых денежных доходов с учетом ФНТУ к средним по РФ в 2019 году, %

группы	Первая с доходами в интервале 53,5-67,3% от средних по РФ	Вторая с доходами в интервале 68,1-81,7% от средних по РФ	Третья с доходами в интервале 82,0-94,6% от средних по РФ	Четвертая с доходами в интервале 96,6-107,1% от средних по РФ	Пятая- десятая группы с доходами в интервале 116,8-194,8% от средних по РФ	всего
число регионов	12	24	30	8	11	85
Отношение среднего по группе показателя к среднему по РФ						
Денежные доходы населения	66,2	79,3	92,0	103,6	136,0	35247*
Начисленная заработная плата	76,0	83,0	90,2	87,0	131,3	47867*
Средний размер пенсии	95,9	102,7	102,3	98,4	95,3	14102*
Пособия и социальная помощь на душу населения	91,4	96,5	95,1	93,5	114,9	1523*
Доходы от предпринимательской деятельности на душу населения	89,0	88,5	98,6	127,4	102,6	2079*
Доля группы в суммарном показателе:						
денежных доходах населения	3,4	19,0	31,5	11,9	34,1	100
Начисленной заработной плате	3,3	18,0	29,0	10,1	39,5	100
Пенсиях	4,9	25,7	36,0	11,8	21,7	100
Пособия и социальная помощь	4,7	23,1	32,6	10,8	28,8	100
Доходах от предпринимательской деятельности	4,6	21,2	33,8	14,7	25,7	100
Населении	5,2	24,0	34,3	11,5	25,1	100
Занятых в экономике	4,4	21,7	32,2	11,6	30,1	100
Численности пенсионеров	5,1	25,0	35,2	12,0	22,7	100

*Средний по РФ показатель (руб.)

Источник: расчеты ИНИ РАН

Близкими к среднероссийским оказываются среднедушевые доходы в четвертой децильной группе ($\pm 3-7\%$), однако в этой группе находится лишь 8 регионов. Средняя заработная плата, пенсии находится на уровне предыдущей

группы или даже ниже, преимущество в среднедушевых доходах обеспечивается за счет доходов от предпринимательской деятельности. Пособия и социальная помощь на душу населения также оказываются ниже среднероссийских. Данная группа по доле в населении (11,5%), численности занятых (11,6%) занимает относительно небольшой вес в суммарных показателях, по удельным показателям превосходит лишь первую группу.

В 6 верхних децильных групп со среднедушевыми доходами в интервале 116-195% от среднероссийского уровня вошли всего 11 регионов, в каждой группе находится 1-3 региона с доходами, существенно превосходящими среднероссийские, данные по ним приведены в агрегированном виде. Для верхних доходных групп характерно существенное превышение средних по стране показателей не только по доходам, но и по заработной плате и социальным выплатам на душу населения. Средний уровень пенсий в группах с самыми высокими доходами не превышает средних по стране, душевые доходы от предпринимательской деятельности немного выше среднероссийских, хотя существенно ниже, чем в четвертой децильной группе. В регионах с самыми доходами проживает четверть российского населения, однако больше половины этого населения представлено Москвой и Московской областью. Помимо столичной агломерации и Санкт-Петербурга в группы с высокими доходами по данным за 2019 год входят сырьевые экспортно-ориентированные регионы, а также Свердловская область и Республика Татарстан. Характерной особенностью регионов с высокими доходами является концентрация в них доходов от собственности, на долю 11 регионов приходится 54% всех доходов от собственности, при этом на долю Москвы и Московской области – 40%.

Среднедушевые доходы в регионах, входящих в каждую из представленных децильных групп, в силу различий в структуре получателей и среднего размера каждого из представленных видов доходов характеризуются разной эластичностью по отношению к их изменению (таблица X.2).

Таблица X.2

Прирост среднедушевых денежных доходов в соответствующей децильной группе и в целом по РФ (в %) при увеличении среднего размера заработной платы, пенсии, среднедушевых пособий и социальной помощи и доходов от предпринимательской деятельности на 1%

Дециль- ные группы	прирост заработной платы в соответствующей группе		Прирост пенсии в соответствующей группе		Прирост пособий и социальной помощи в соответствующей группе		Прирост доходов от предпринимательской деятельности в соответствующей группе	
	Прирост доходов в соответств ующей группе	Прирост доходов в стране в целом	Прирост доходов в соответств ующей группе	Прирост доходов в стране в целом	Прирост доходов в соответств ующей группе	Прирост доходов в стране в целом	Прирост доходов в соответств ующей группе	Прирост доходов в стране в целом
1	0,625	0,021	0,179	0,006	0,062	0,002	0,082	0,003
2	0,605	0,115	0,169	0,032	0,054	0,010	0,068	0,013
3	0,588	0,185	0,143	0,045	0,046	0,015	0,066	0,021
4	0,537	0,064	0,124	0,015	0,040	0,005	0,075	0,009
5-10	0,738	0,252	0,080	0,027	0,038	0,013	0,046	0,016
В целом по РФ	0,638	0,638	0,126	0,126	0,045	0,045	0,061	0,061

Источник: расчеты ИНИ РАН

Увеличение среднего размера заработной платы на 1% позволяет увеличить среднедушевые денежные доходы населения страны на 0,638%. Наиболее чувствительны к изменению заработной платы оказываются доходы населения в регионах первой и последних децильных групп. В регионах с высокими доходами, где заработная плата почти на треть выше среднероссийской, дополнительный прирост заработной платы на 1% увеличивает среднедушевые доходы в группах 5-10 на 0,738%, а в целом по стране на 0,252%. В первой группе с минимальными доходами, в которой средняя заработная плата составляет лишь 76% от российского уровня, прирост средней заработной платы на 1% приводит к росту доходов в группе на 0,625%, однако практически не оказывает влияния на среднероссийский уровень доходов.

Следующим по степени влияния на показатели среднедушевых доходов источником доходов являются пенсии. Рост среднего размера пенсий на 1% увеличивает среднедушевые доходы на 0,126%. Наибольшим приростом доходов при увеличении пенсий оказывается в первой и второй децильных группах, соответственно 0,179% и 0,169%, с позиции прироста среднедушевых доходов

населения страны наибольший вклад может внести увеличение пенсий в 3 и 2 децильных группах.

Вклад в прирост среднедушевых доходов для страны в целом увеличения социальных выплат невелик, однако для отдельных групп регионов, прежде всего с низкими доходами, он заметен.

Прирост среднедушевых доходов за счет роста доходов от предпринимательской деятельности на 1% составляет 0,061%, более чем треть его обеспечивается в регионах третьей децильной группы. Наименьшее влияние на среднедушевые доходы оказывает рост предпринимательского дохода в наиболее богатых регионах, в структуре доходов которых доминируют другие источники.

Распределение доходов между разными группами регионов является важнейшим фактором, определяющим емкость региональных потребительских рынков, ограничения и возможности роста потребительского спроса в регионах.

Потребительские расходы составляют по России 80,8% от среднедушевых денежных доходов, этот показатель меньше только в самой нижней и верхних децильных группах регионов (таблица X.3). В первом случае потребительские расходы минимальны именно в силу низких доходов населения, во втором случае население тратит на текущее потребление меньшую долю своих доходов именно потому, что доходы достаточно высоки. При этом абсолютные суммы среднедушевых потребительских расходов в богатых регионах более чем в 2 раза превышают потребительские расходы в первой децильной группе.

Таблица X.3

Структура потребительских расходов по децильным группам регионов в 2019 г.

Дециль- ные группы	Отношение среднедушев ых потребительс ких расходов к денежным доходам населения	Среднед ушевые потреби тельские расходов к средним по РФ	Доля расходов по группам на:			Структ ура потреб ительс ких расход ов	Структура расходов на:		
			Покупку продук тов питания	Покупку непродо вольстве нных товаров	Оплату услуг		Поку пку прод уктов пита ния	Покупку непродо вольстве нных товаров	Оплату услуг

1	77,1	60,9	40,1	36,5	22,2	3,2	3,8	3,2	2,6
2	81,2	77,0	36,0	36,3	26,2	19,0	20,3	18,9	17,7
3	82,7	90,9	35,9	36,6	25,8	32,1	34,1	32,1	29,5
4	85,5	105,8	36,0	35,5	27,0	12,6	13,4	12,2	12,1
5-10	78,7	127,8	28,9	37,0	32,5	33,1	28,3	33,5	38,2
В целом по РФ	80,8	100,0	32,9	36,8	28,7	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: расчеты ИНП РАН

Структура потребительских расходов для большинства регионов оказывается близкой, различия отмечаются лишь для нижней и самых верхних децильных групп, касаются они соотношений между расходами на покупку продуктов питания и оплату услуг.

В разделах **(XX)** доклада приведены международные сопоставления структуры расходов домашних хозяйств по товарным группам, где отмечено, что доля расходов на продовольствие в России заметно выше, чем в странах с примерно одинаковым уровнем среднедушевого ВВП по ППС. Доступная статистика не позволяет провести аналогичные расчеты по регионам, однако сравнение структуры потребительских расходов показывает, что расходы на покупку продуктов питания меньше средних по РФ только в регионах 5-10 децильных групп, т.е. в 11 регионах, в которых душевые доходы населения выше среднероссийских более чем на 16%. Более 40% потребительских расходов тратится на продовольствие только в первой децильной группе, для абсолютного большинства регионов расходы на продовольствие составляют порядка 36% потребительских расходов. Аналогичным образом, доля потребительских расходов на оплату услуг превышает средние по России только для регионов с высокими доходами (5-10 децильные группы), во всех остальных группах регионов она не достигает среднероссийской. Вместе с тем, на долю регионов с высокими доходами данной группы приходится 38,3% всех расходов на оплату услуг.

Сложившиеся пропорции распределения потребительских расходов, которые напрямую связаны с межрегиональными соотношениями доходов населения, оказываются довольно близкими для большинства регионов (2-4 децильные группы) как по числу регионов, так и по их удельному весу в

суммарных по РФ показателям. В этой связи сдвиги в структуре потребительских расходов, предполагающие снижение расходов на продовольствие, рост доли расходов на оплату услуг, характерные для децильных групп с высокими доходами, возможны только при росте среднедушевых доходов в большинстве регионов, подтягиванию их к уровню доходов в немногочисленных «богатых» регионах.

В целом анализ межрегиональной дифференциации денежных доходов населения за 25-летний период, за который доходы населения в реальном выражении выросли в 1,85 раза, показывает наличие слабой тенденции к снижению межрегиональных различий среднедушевых доходов населения. Дифференциация заметно сократилась в период с 2001 по 2014 год, когда доходы росли. Существенным фактором, определяющим межрегиональную дифференциацию доходов, являются различия цен в регионах, при их элиминировании показатели дифференциации существенно снижаются. Разрыв между максимальными и минимальными среднедушевыми доходами в номинальном выражении почти в 2 раза выше, чем при учете межрегиональной дифференциации цен, позволяющем сравнивать реальные доходы населения.

Тесная связь, существующая между темпами роста доходов населения и их межрегиональной дифференциацией, показывает, что важнейшим условием снижения межрегиональных различий в доходах населения является экономический рост, поскольку активизирует все источники роста доходов населения. Динамика доходов 2015-2019 гг., показала, что в условиях падения, либо стагнации доходов населения проявляется тенденция к усилению дифференциации, которая с большой вероятностью будет развиваться, если рост экономики и рост доходов не восстановится.

Высокая межрегиональная дифференциация доходов населения определяются отрывом небольшого числа регионов с наиболее высокими доходами от основной массы регионов. Распределение регионов по децильным группам в зависимости от величины среднедушевых доходов

показывает, что абсолютное большинство регионов (74 из 85) входит в первые 4 группы с минимальными и низкими доходами. Каждая из 6 верхних групп включает 1-3 региона. Высокими можно считать только доходы в 11 субъектах РФ, которые входят в 5-10 децильные группы.

Заметные различия по структуре формирования доходов характерны только для первой группы с самыми низкими доходами и верхних групп с самыми высокими доходами. Для большинства регионов (2-4 децильные группы) структура формирования доходов и структура потребительских расходов оказываются близкими.

Основным фактором, определяющим рост среднедушевых доходов во всех группах регионов, является оплата труда. Наиболее высока эластичность среднедушевых доходов по отношению к приросту оплаты труда в группах с высокими доходами и самыми низкими доходами. В первом случае рост заработной платы приводит к увеличению доходов в регионах с высокими доходами, среднедушевых доходов в целом по стране и росту межрегиональной дифференциации для страны в целом. Во втором случае растут доходы только в регионах с низкими доходами, межрегиональные различия при этом снижаются.

Увеличение среднего размера пенсий и социальных пособий оказывает наиболее существенное влияние на среднедушевые доходы в 1-3 децильных группах, именно в таких регионах дополнительные региональные надбавки к пенсиям и социальным пособиям дают наибольший эффект с точки зрения увеличения среднедушевых доходов и снижения их дифференциации.

8. Миграция населения и рабочей силы

Данные официальной статистики свидетельствуют о росте перемещений населения и рабочей силы между регионами, которые к 2019 г. достигли чуть менее 5 млн. по стране (увеличившись на 40% по сравнению с 2011 г.) (рис. 7.1).

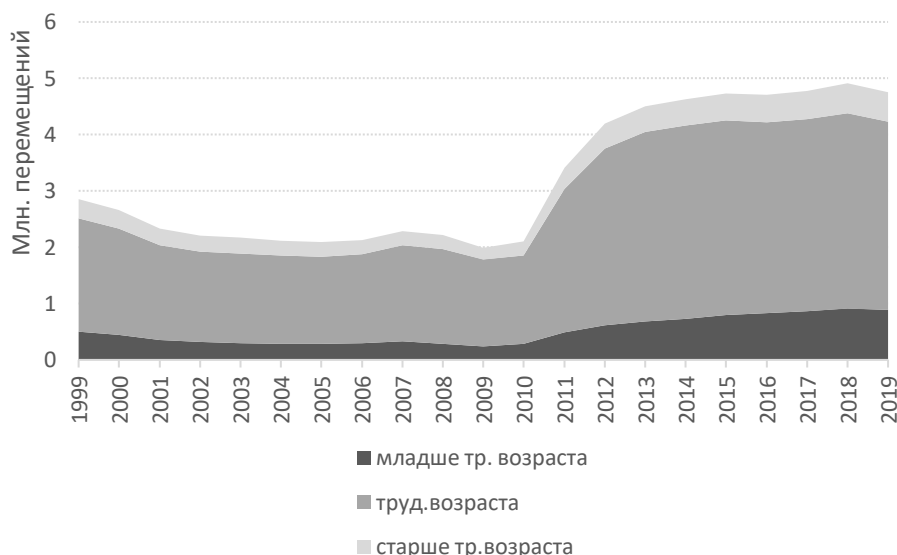

Рис. 7.1. Масштабы внутренней миграции населения и рабочей силы⁴⁶,
млн. перемещений

Наибольшей территориальной подвижностью обладает население трудоспособного возраста: на 2019 г. доля этой группы составляла 70% в суммарном потоке, тогда как на население младше и старше трудоспособного возраста приходилось 19% и 11%, соответственно.

Основные регионы-реципиенты мигрантов располагаются в европейской части страны. Это, прежде всего, Центральный, Северо-Западный и Южный федеральные округа, миграционное сальдо которых за последние 15 лет

⁴⁶ До 2011 г. официальной статистикой в рамках текущего учета фиксировались только те акты переезда, которые сопровождалась сменой места жительства. Т.е. данные отражали масштабы долгосрочной внутристрановой миграции, при этом вне поля зрения статистики оставалась значительная часть миграций, не связанная со сменой прописки. В 2011 г. изменилась методология учета внутренней миграции населения: статистикой стали также учитываться акты переезда, связанные с регистрацией по месту пребывания на срок 9 месяцев и более, в связи с чем с 2011 г. произошел резкий скачок числа учитываемых внутристрановых перемещений.

увеличилось (рис. 7.2). Между тем, высокий вклад в миграционное сальдо федерального округа вносят отдельные, единичные регионы. Так, в 2019 г. из 85 субъектов РФ только 19 характеризовались положительным миграционным сальдо (рис. 7.3). В первую очередь, Московская обл., г. Москва (ЦФО), Ленинградская обл., г. Санкт-Петербург, Калининградская обл. (СЗФО), Краснодарский край и Респ. Адыгея (ЮФО).

Миграционный отток населения с северных и восточных территорий России носит устойчивый, долгосрочный характер. Изменение методологии учета внутренней миграции, которое произошло в последние годы, не только не изменило тренды, но и усугубило их.

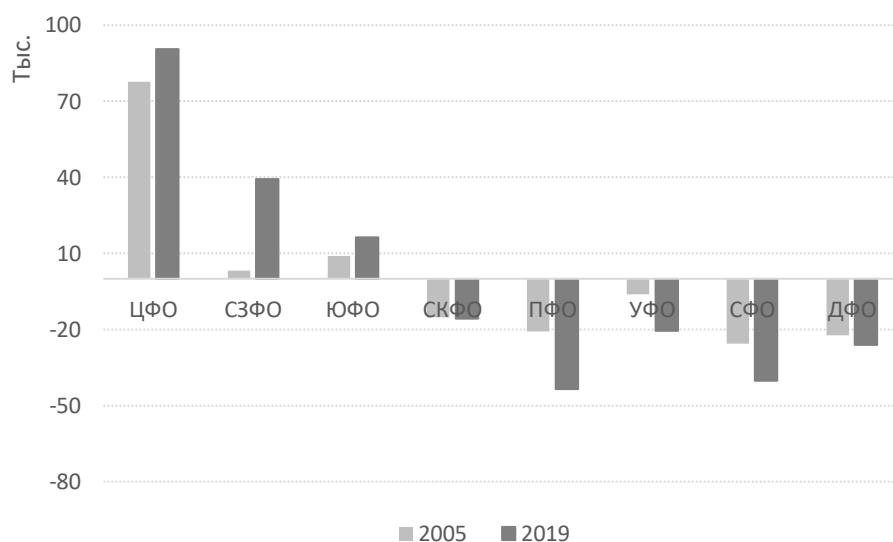

Рис. 7.2. Миграционное сальдо населения по федеральным округам РФ

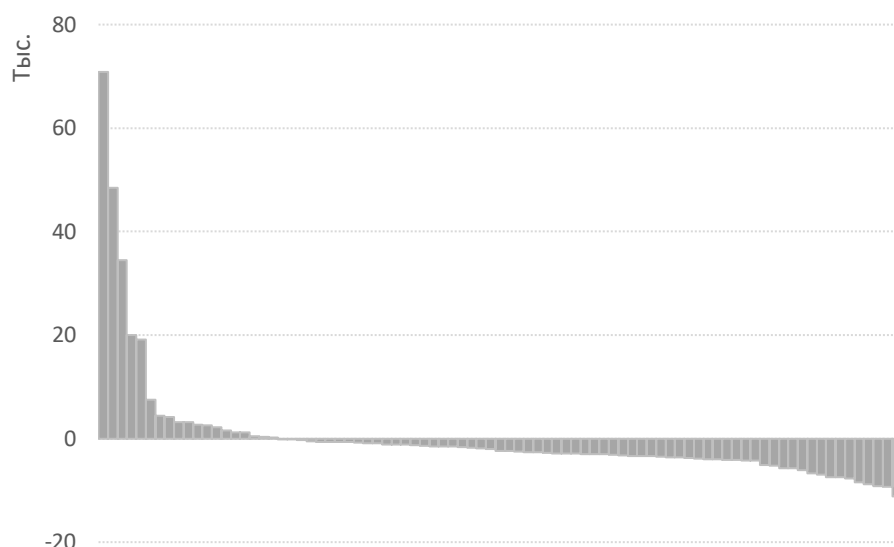

Рис. 7.3. Миграционное сальдо в региональном разрезе, 2019 г.

Сложившаяся структура миграции говорит о том, что население покидает регионы с менее благополучными социально-экономическими условиями и концентрируется в ограниченном числе регионов с высоким уровнем жизни, развитыми инфраструктурой, сферами образования, торговли, услуг и более широкими возможностями реализации на рынке труда.

Помимо текущего учета населения еще одним официальным источником информации о внутренней миграции является статистика временной трудовой миграции, которая фиксирует в рамках обследований число людей, работающих в регионе, отличном от места своего постоянного проживания. Эти данные говорят о том, что число временных трудовых мигрантов, также как и их доля в общей численности занятых в стране, за 2005-2018 гг. увеличилось более чем в три раза и к 2018 г. составило 3 млн. чел. (рис. 7.4). Несмотря на это, влияние долгосрочной и временной трудовой миграции на уровень жизни населения малоизучены.

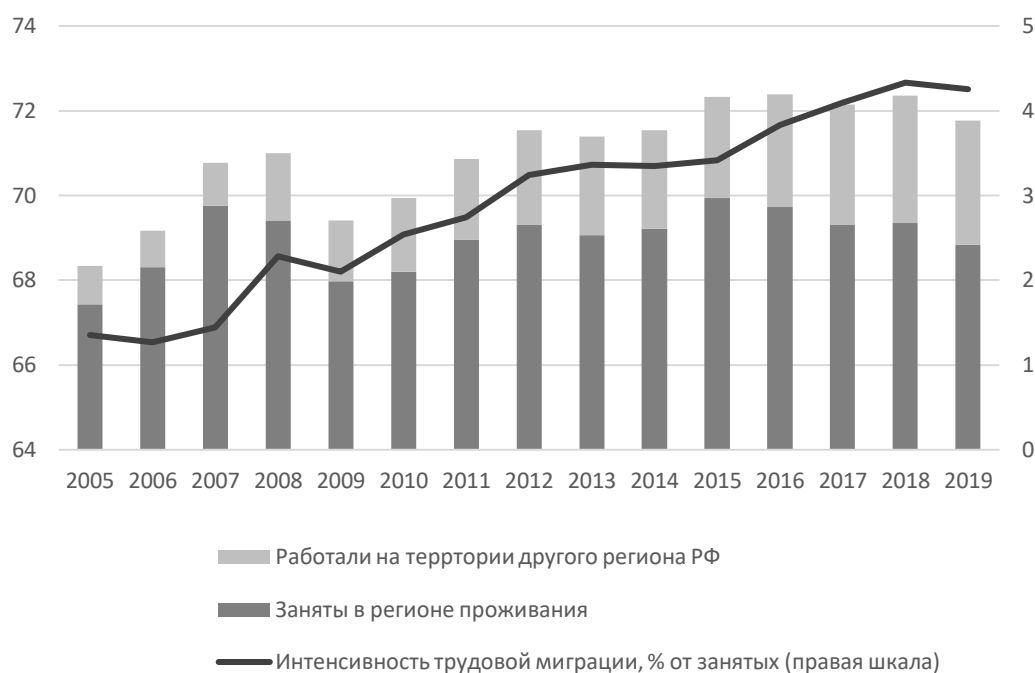

Рис. 7.4. Структура занятого населения по месту нахождения работы

География распределения временных трудовых мигрантов несколько отличается от миграции населения даже на уровне федеральных округов (рис. 7.5). Так, Уральский и Дальневосточный федеральные округа характеризуются положительным сальдо трудовых мигрантов, т. к. в них сосредоточены регионы, традиционно привлекательные для вахтового метода работы в связи с установленными в них районными коэффициентами и северными надбавками (по данным за 2019 г. в состав регионов с наибольшим значением средней и медианной заработной платы входят Чукотский АО, Ямало-Ненецкий АО, Магаданская, Сахалинская области). В Южном ФО рынок труда Краснодарского края (с 2015 г. – также Крыма и г. Севастополь) является привлекательным для мигрантов из других субъектов РФ.

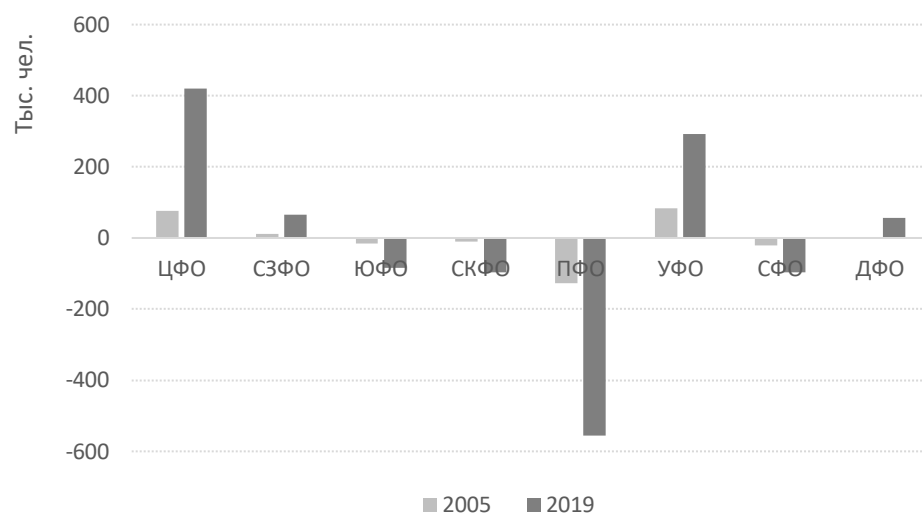

Рис. 7.5. Сальдо внутристрановой трудовой миграции по федеральным округам РФ

Основной причиной временной трудовой миграции является отсутствие в регионе постоянного проживания привлекательных рабочих мест, соответствующих профессиональным и квалификационным навыкам с желаемым уровнем оплаты труда, а ее основная цель – получение мигрантом заработка за пределами региона своего постоянного проживания. Поэтому можно предположить, что трудовая миграция является проявлением рыночной саморегуляции региональных рынков труда, так как позволяет снижать устойчиво существующие или временные (носящие, например, сезонный характер) дисбалансы спроса и предложения рабочей силы.

Для проверки этой гипотезы были рассчитаны два индекса: фактическая доля региональных структурных безработных (то есть безработных, которые не соответствуют удельному объему вакансий в регионе⁴⁷) в общестрановой численности безработных; и гипотетическая доля, в условиях отсутствия внутренней трудовой миграции (рис. 7.6). Их сравнение подтверждает предположение о том, что трудовая миграция снижает территориальные диспропорции спроса и предложения рабочей силы. В условиях отсутствия внутренних трудовых мигрантов доля структурных безработных в отдельные периоды (2008-2013 гг., 2015-2019 гг.) составляла бы выше 50% от общего числа безработных.

⁴⁷ Подробную методику расчета объема региональных структурных безработных см. [Коровкин А.Г. Динамика занятости и рынка труда. Вопросы макроэкономического анализа и прогнозирования. М.: МАКС-Пресс, 2001, с. 43]

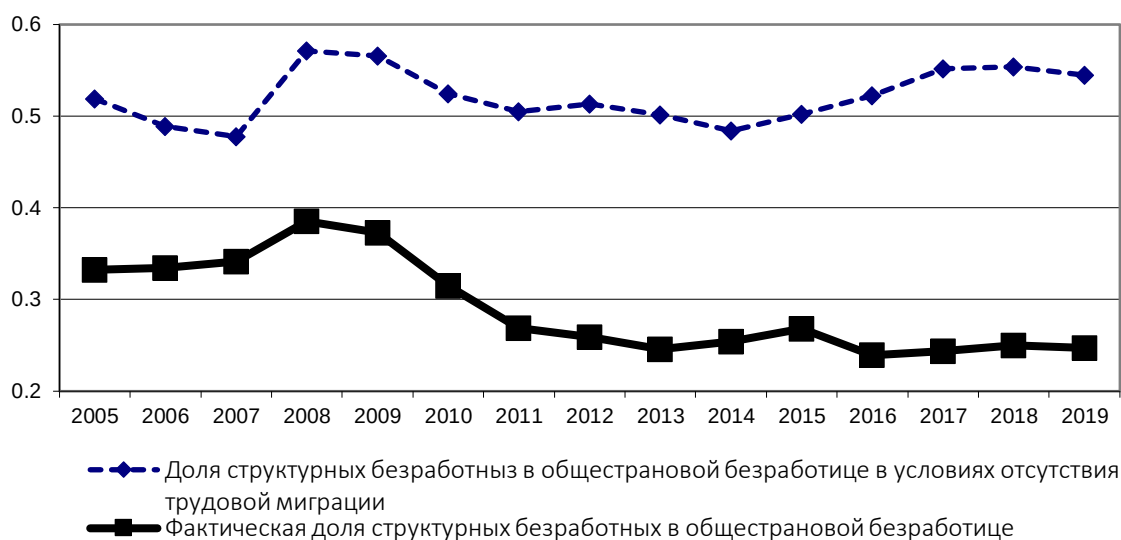

Рис. 7.6. Доли структурных безработных в общей величине безработицы, фактическая и гипотетическая (в условиях отсутствия трудовой миграции)⁴⁸

В то же время, если временная трудовая миграция носит неорганизованный характер, в отличие от, например, плановых сезонных вахтовых работ, то в большинстве случаев, скорее всего речь идет о маятниковой миграции на небольшие расстояния. При этом либо экономические барьеры, либо отсутствие желания, или все в совокупности препятствуют мигранту сменить место жительства.

Однако такой способ заработка – не от хорошей жизни и вряд ли население прибегало бы к нему в случае наличия альтернативного варианта работы у себя в регионе. Поэтому рост масштабов временной трудовой миграции с некоторой долей условности свидетельствует о росте разрыва между регионами в уровне оплаты труда и качестве рабочих мест. Так, например, в 2008 г. наблюдался рост объемов трудовой миграции, что могло быть следствием поиска работы населением в кризисный период за пределами территории проживания. В этом случае трудовая миграция

⁴⁸ В расчетах принималась гипотеза о том, при отсутствии трудовых потоков мигрант в своем регионе имел бы статус безработного, а занимаемое им рабочее место в другом регионе являлось бы вакантным.

может рассматриваться как краткосрочный (в крайнем случае, среднесрочный) фактор снижения возникающих дисбалансов и улучшения экономического положения мигрантов: работа за пределами региона своего постоянного проживания является, скорее всего, лучше оплачиваемой, нежели вакансии в своем регионе (при их наличии в принципе), что увеличивает доход населения и повышает уровень потребления и сбережений, в частности в регионе своего постоянного проживания.

В этой связи эффект от трудовой миграции сказывается не только на локальных рынках труда через снижение структурных диспропорций, но и имеет социально-экономические последствия на уровне и регионов, и отдельных домохозяйств. Население, получая денежные доходы в одном регионе, регионе-«реципиенте» временных трудовых мигрантов, частично или полностью их тратит в своем регионе (регионе-«доноре» временной рабочей силы). И в этом случае регион-«донор» получает дополнительный доход в результате увеличения масштабов конечного потребления населением, который частично компенсирует выпадающий из бюджетов НДФЛ, который мог быть уплачен в регионе доноре в случае наличия в нем подходящего рабочего места.

Расходование в регионе денежных средств, заработанных за его пределами, в рамках регионального баланса денежных доходов и расходов отражается в повышенном уровне расходов на товары и услуги и расходов на покупку иностранной валюты, которому будет соответствовать ситуация превышения расходов над доходами. С точки зрения денежных расходов, эти регионы можно назвать «реципиентами» денежных средств. И, наоборот, в регионе с положительным сальдо внутренней трудовой миграции (регион-«донор» денежных средств), структура расходов населения должна иметь противоположное искажение – относительно низкий уровень расходов на товары и услуги. Таким образом миграция перераспределяет часть денежных доходов из регионов, привлекающих к

себе трудовых мигрантов на временные заработки, в регионы «доноры» рабочей силы.

Реципиентами внутренних временных трудовых мигрантов и соответственно донорами денежных средств являются Респ. Коми, НАО, Мурманская, Самарская обл., ХМАО, ЯНАО, Челябинская обл., Респ. Алтай, Тыва, Красноярский край, Томская обл., Респ. Саха (Якутия), Камчатский, Хабаровский край, Амурская, Магаданская, Сахалинская области, Еврейская АО, Чукотский АО (2011-2016 гг.). Большинство этих регионов традиционно привлекательны для вахтового метода работы. В этих регионах население, получая денежные доходы в результате участия в видах деятельности, относящихся к производству ВРП, расходует часть полученных денежных средств в других регионах.

К регионам донорам временных трудовых мигрантов, в которых денежные расходы населения превышают доходы, относятся Калининградская, Ростовская, Свердловская, Новосибирская области, Ставропольский край, Респ. Бурятия, Хакасия, Приморский край.

Четыре субъекта РФ, г. Москва, г. Санкт-Петербург, Краснодарский край и Тюменская область, традиционно привлекательны для трудовых мигрантов. Одновременно в них фиксируется высокий уровень расходов на товары и услуги, не имеющий прямого отношения к их производству⁴⁹ в силу большей развитости сферы торговли и услуг в мегаполисах.

На базе существующей статистики сделана оценка масштабов перераспределения денежных средств между регионами в результате трудовой миграции, что позволяет глубже оценить ее роль и степень влияния на уровень жизни населения и экономическое развитие регионов.

⁴⁹ Отчет о НИР «Анализ надежности базовых индикаторов оценки уровня социально-экономического развития субъектов Российской Федерации (разработка методики анализа)», коллектив авторов, отв. исполн. А.В.Суворов, 2005 г.

Согласно оценкам ИНП РАН масштаб перераспределения денежных средств между регионами в результате временной трудовой миграции динамично рос, что коррелирует с ростом объемов временных трудовых мигрантов, и к 2018 г. составил чуть более 200 млрд. руб. (рис. 7.8).

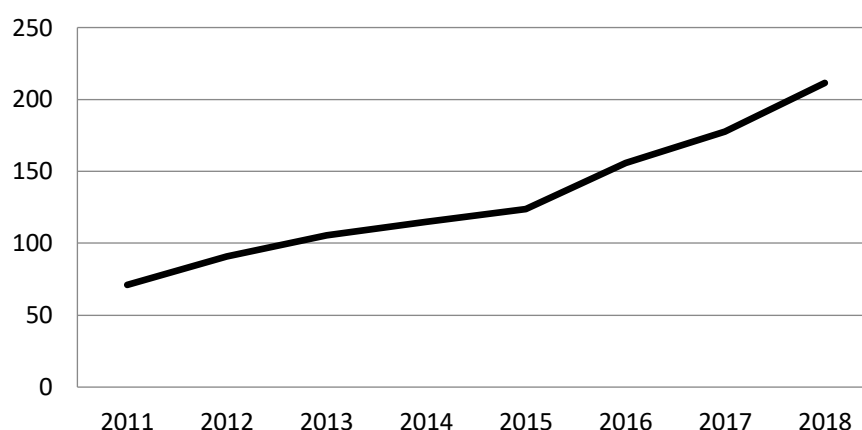

Рис. 7.8. Масштабы перераспределения денежных средств между регионами в результате временной трудовой миграции, млрд. руб.

При этом оценки также показали, что для части регионов перераспределяемые денежные средства за счет внутренней миграции сократили разрыв между региональным и страновым уровнем средней заработной платы. Так, для регионов с более низкой по сравнению со страновым средним уровнем зарплаты (по большей части это регионы-«доноры» рабочей силы) дополнительные денежные средства позволили сократить разрыв, путем перераспределения части денежных средств из регионов с более высокой заработной платой (рис. 7.9).

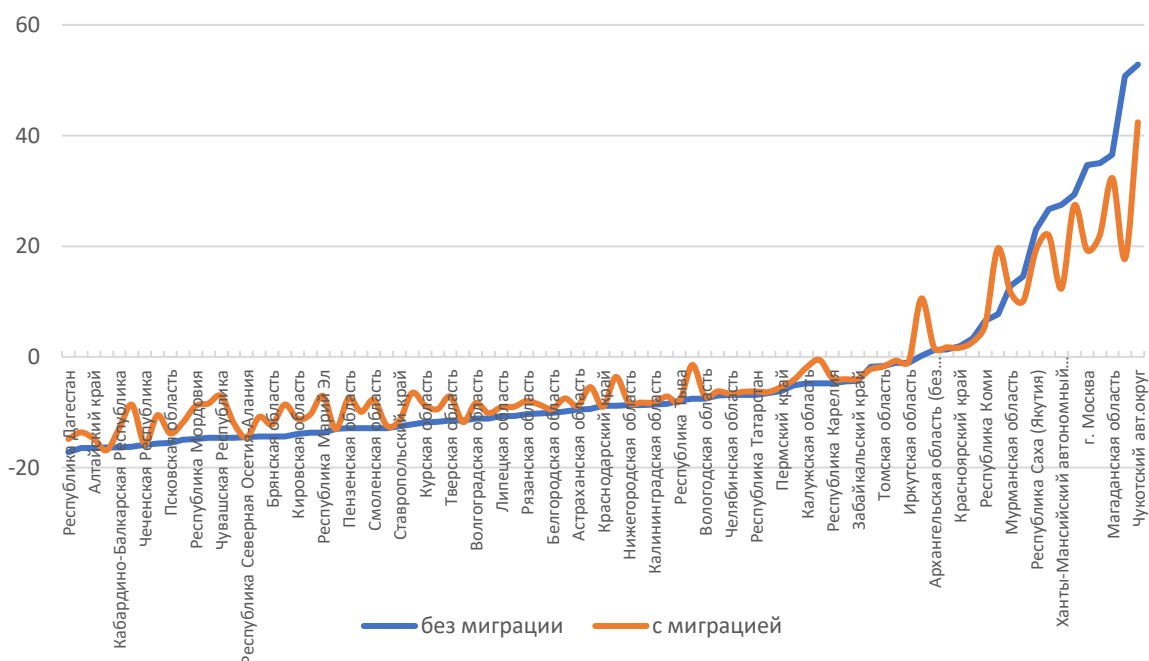

Рис. 7.9. Оценка отклонения средней заработной платы в регионе от средней по РФ величине, тыс. руб. (2017 г.)

Закрытие региональных границ во втором квартале 2020 г. привело к тому, что регионы-реципиенты недополучили денежные средства, традиционно вывозимые из регионов-доноров внутренними мигрантами. Оценить величину потерь в 2020 г. достаточно сложно. Однако, расчеты за 2017 г. показали, что на тот момент эта сумма составила бы 150 млрд. руб. Соответственно речь идет о части выпадающих доходов определенной группы населения, которые работают за пределами региона своего постоянного проживания, и, соответственно, о сокращении внутреннего регионального спроса. В рамках оперативной региональной политики должны быть предусмотрены меры, направленные на компенсацию снижения уровня жизни населения в результате снижения доходов населения от недополучения доходов, связанных с ограничениями на трудовую миграцию населения.

Представленные оценки выполнены на базе официальной статистики. Между тем, для полноценного исследования вопроса о влиянии трудовой

миграции на качество жизни населения эти данные не обладают полноценным охватом: большая часть ежедневных маятниковых мигрантов из пригородов в мегаполисы остается вне поля видимости официальной статистики. А между тем они также вносят существенный вклад в перераспределение средств между регионами (например, г. Москва и Московская область) и муниципалитетами. Анализ высокочастотных данных, таких как, например, данные SIM-карт, или банковских переводов, мог бы повысить точность оценки объемов перераспределяемых денежных средств, а также, возможно, сделать представление о структуре их трат. Приводимые в работе⁵⁰ оценки, сделанные для Московской агломерации на базе больших данных, говорят о том, что сумма перераспределяемых средств только из одной Москвы в ее область составляет 250 млрд. руб. (данные за 2018 г.). Такие оценки повышают требование к официальной статистике о сборе данных и росте охвата миграционных и финансовых потоков на регулярной основе.

В условиях такой же свободы перемещения при отсутствии радикальных изменений в социальной, экономической и других сферах жизни есть все основания ожидать пролонгации сложившихся тенденций внутренней миграции населения и трудовых мигрантов, концентрации населения в узком круге регионов, расположенных в западной части страны, продолжение нарастания поляризации, экономической и социальной, между экономическими центрами и так называемой «глубинкой». В этой связи важнейшая задача в области миграции для отдельных регионов, в которых фиксируется продолжительная депопуляция, – снижение оттока и привлечение «нового» населения, которая решается в первую очередь экономическими мерами (создание рабочих мест, обеспечение местность современной инфраструктурой и др.).

⁵⁰ Люди. Деньги. Данные. ЦСР. 2020 г.

9. Перспективный вклад спроса населения в экономическую динамику

Спрос населения обеспечивает до 50% формирования ВВП со стороны спроса. Поэтому любой конструктивный сценарий развития российской экономики предполагает сохранение положительной динамики доходов населения.

Эта задача должна решаться в условиях запуска нового инвестиционного цикла имеющего своей целью модернизацию производственного потенциала российской экономики, существенного роста эффективности как в реальном секторе, так и в секторе непродовольственных услуг российской экономики.

Модернизация экономики потребует роста доли инвестиций в структуре ВВП, что может стать одним из ограничений для наращивания доходов и расходов населения. По нашим оценкам в условиях среднегодовых темпов роста ВВП на уровне 3,0-3,5%, рост среднегодовых доходов населения на 2,8-3,0% обеспечивается при норме накопления⁵¹ не выше 25-26%.

По нашим расчетам для обеспечения темпов экономического роста на уровне среднемировых (3,0-3,2%) требуется обеспечить

Таблица 9.1 Среднегодовые темпы роста ключевых элементов конечного спроса, в %

	2020-2024	2025-2029
--	-----------	-----------

⁵¹ Под нормой накопления понимается отношение валового накопления основного капитала к ВВП

Потребление домашних хозяйств	2.0-2.8	2.3-3.5
Государственное потребление	1.0-1.5	1.5-2.0
Инвестиции в основной капитал	3.7-5.5	4.5-6.0
Экспорт	2.2-3.0	2.5-3.2
Импорт	2.3-2.8	2.3-4.0
ВВП	2.2-3.2	3.5-4.0

Источник: расчеты ИНП РАН

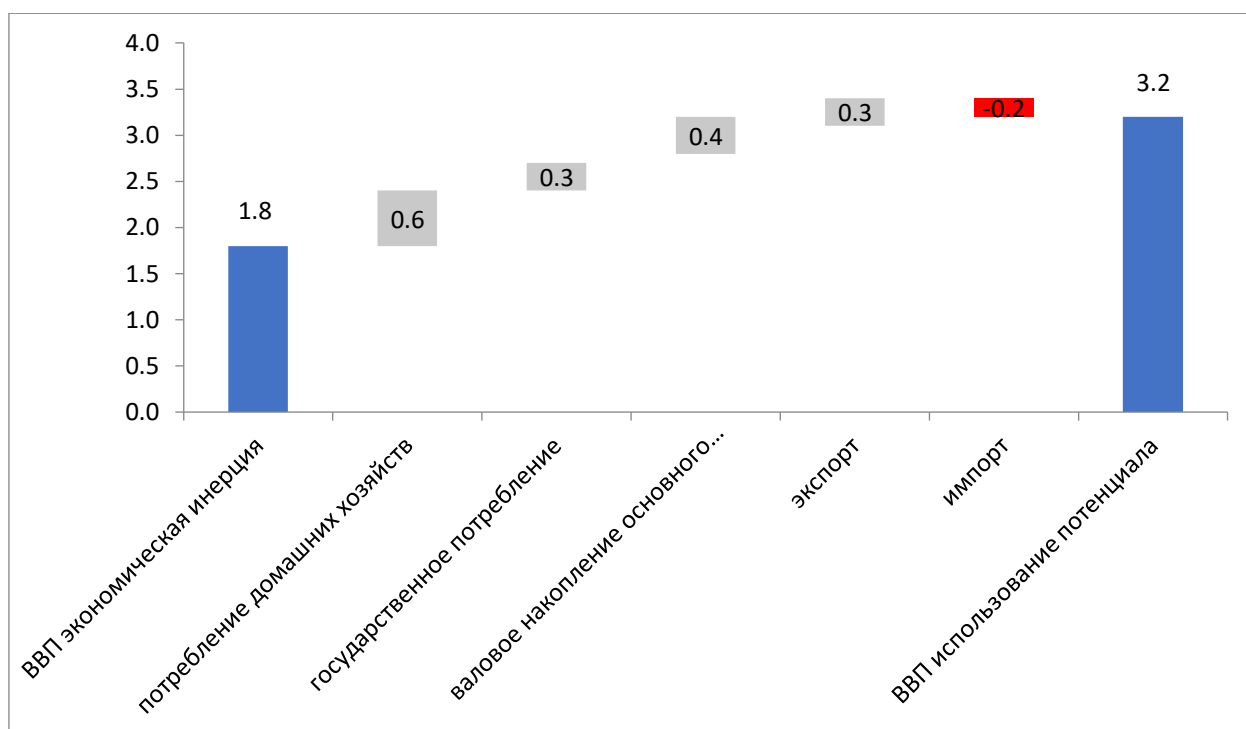

Рисунок 9.1 Вклады отдельных факторов в темпы экономического роста в 2021-2025 гг. при переходе от инерционного сценария к сценарию использования потенциала роста, проц. п.